

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖОРДЖЕТ
ХЕИЕР

УБИЙСТВА
НА ЧАРЛЗ-СТРИТ

Джорджетт Хейер
Убийства на Чарлз-стрит
Серия «Золотой век
английского детектива»
Серия «Инспектор Хемингуэй», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21190428

*Убийства на Чарлз-стрит. Кому помешал Сэмсон Уорренби? :
[романы] / Джорджетт Хейер ; [пер. с англ. А. Ю. Кабалкина]. : АСТ;
Москва; 2017*

ISBN 978-5-17-114416-6

Аннотация

Респектабельная партия в бридж в шикарном особняке миссис Хаддингтон завершилась убийством: кто-то задушил близкого друга хозяйки. Однако это еще не все: очень скоро убийца нанес новый удар, и на сей раз его жертвой стала сама миссис Хаддингтон!

Но кто же убийца? Инспектор Хемингуэй, которому поручено расследование, понимает: все свидетели нагло ему лгут. Молодая секретарша, эксцентричный лорд, светская львица, даже красавица дочь одной из жертв. Им всем явно есть что скрывать...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	56
Глава 6	71
Глава 7	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Джорджет Хейер

Убийства на Чарлз-стрит

Эта книга написана в ответ на претензии некоторых судей и адвокатов, им автор и посвящает ее со всем смирением.

Джорджет Хейер – родоначальница популярного жанра «любовный роман в стиле эпохи Регентства», автор историко-приключенческих произведений, писательница, чьи книги в XXI веке переживают второе рождение.

Она обращалась к криминальному жанру не так уж часто, однако ее книгами восхищалась Агата Кристи и они считаются классическими образцами английского детектива.

Серия «Золотой век английского детектива»

Georgette Heyer

DUPLICATE DEATH DETECTION UNLIMITED

Перевод с английского А. Ю. Кабалкина

Печатается с разрешения Heron Enterprises Ltd и литературного агентства The Buckman Agency.

© Georgette Heyer, 1951, 1953

© Перевод. А.Ю. Кабалкин, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

Утром в понедельник на подносе перед миссис Кейн красовалась стопка из нескольких писем многообещающего вида. Просмотрев их с выражением лица человека, надеющегося отыскать сокровище, она отобрала только два, почерк авторов которых свидетельствовал либо о прискорбной безграмотности, либо о малолетстве. Одно было надписано красными чернилами, другое – разъезжавшимся пером, в котором застрял волос. Оба были адресованы мистеру и миссис Кейн, но обращение к своему супругу миссис Кейн проигнорировала. Послания начинались, разумеется, со слов «дорогие мамочка и папочка», но та их часть, на какую притяжал бы мистер Кейн, непременно должна была содержать приписку «скажи папе». Содержавшиеся в ней сведения обычно касались спортивных проблем. Срочные просьбы, от денег на удовлетворение ранее непредвиденных, а ныне остро насущных потребностей до немедленной отправки предметов, на чей поиск приходилось тратить несколько дней и силы, с редким постоянством адресовались именно мамочке.

Так происходило с того грустного дня, когда восьмилетний Сайлас Джеймс Кейн отправился в подготовительную школу. Ничего не изменилось и этим февральским утром, хотя Сайлас Кейн проявлял все больше интереса к областям знаний, необходимым для общего вступительного экзамена

в среднюю школу. Его младший брат Адриан Тимоти Кейн в той же школе Святого Киприана с радостью предавался всевозможным спортивным утехам и изводил нелюбимых наставников, стараясь как можно меньше утруждать себя на учебном поприще. Если бы кто-нибудь попросил, миссис Джеймс Кейн охотно пересказала бы письма сыновей собственными, совсем не лестными словами, но это не мешало ей каждый понедельник тщательно изучать почту и радостно выуживать из нее два письма, превращавшие понедельник в красный день календаря.

На сей раз – как, впрочем, и всегда – письма не изобиловали сведениями о моральном и физическом благополучии ее отпрысков. Материнский вопрос о болях у Адриана в животе, которые могли свидетельствовать – или не свидетельствовать – об аппендиците, остался без ответа, как и обращенное к Сайласу требование «узнать у мистера Кентмера, когда будут короткие каникулы, чтобы мы с папой могли вас навестить». Оба юных джентльмена сильно огорчились бы, если бы родители не приехали, но пока, в начале четверти, они были озабочены более животрепещущими темами, главной среди которых оказалось похищение мочалки у некоего Болтона Бэгби. Ее, как уведомлял Адриан Кейн, «выбросили из окна Большой спальни».

Джеймс Кейн, обрадованный этим местом в письме, усмехнулся:

– Вот чертенок! А что пишет Сайлас?

Миссис Кейн с любовью в голосе зачитала письмо своего первенца. Оно открывалось почтительной надеждой на доброе здоровье родителей. Автор просил передать папе, что «в матче против Сент-Стефанс мы выиграли 15:0, они продули вчистую». Умолял прислать ему конверт с почтовыми марками, помеченный как «мой обменный фонд». Уведомлял мать, что ввиду склонности неназванного лица или группы лиц к воровству ему требуется новая пара перчаток для игры в «пятерки». В скобках красовалась трогательная приписка «если получится», а постскриптом содержал привет сестренке Сьюзен и новорожденному братику Уильяму.

– В общем, у них все хорошо! – Миссис Кейн спрятала в конверты оба захватывающих послания.

Мистер Кейн не стал спрашивать, на каком основании она сделала данный вывод. Его собственная почта содержала вызов в налоговое управление, который при недостаточном знакомстве с этой организацией можно было бы принять за неудачную шутку, поэтому просьба сына купить ему перчатки для игры в «пятерки» была воспринята в штыки. Разгневанный папаша разразился осуждением воспитания, которое дети получают от своей матери, позволяющего им расти в уверенности, что их отец – миллионер. Устав его слушать, миссис Кейн сказала:

– Хорошо, я напишу ему, что перчаток он не получит.

Джеймс Кейн был уравновешенным джентльменом, но, услышав ее слова, бросил на свою спутницу жизни презри-

тельный взгляд, заявив, что сам об этом позаботится. Затем подставил свою чашку, чтобы жена долила ему кофе, и горестно заметил: с каждым днем Сайлас все больше становится похож на брата Тимоти.

– Кстати, о Тимоти! – подхватила миссис Кейн, поднимая голову от письма длиной в несколько страниц. – Мне написала твоя мать.

– Вот как? – Мистер Кейн заинтересовался и не стал открывать газету. – Что она пишет про Адриана?

– О нем ни слова... Хотя нет! «Скажите Джиму, что я надеюсь на него: хотелось бы избавить Адриана от ненужных волнений. Он очень слаб, и отвратительная погода не идет ему на пользу».

– Если Тимоти опять взялся за свое, то напрасно моя мать думает, будто я стану его урезонивать!

– Джим, дорогой, ты прекрасно знаешь, что придется, если он действительно связался с какой-то ужасной особой. Честно говоря, звучит зловеще!

– Моя дорогая, я достаточно наслушался о его сногшибательных блондинках от матери. – Мистер Кейн открыл «Таймс». – Что ее не устраивает на сей раз? Гардероб, происхождение, вообще все, что касается его новой пассии? Без сомнения, она права. Только зачем впадать в панику всякий раз, когда Тимоти заглядывается на очередную эффектную особу?

Он набил трубку и на десять минут погрузился в изучение

статьи о гольфе.

– Ты идешь по ее стопам, – вскоре продолжил он. – Вы обе ведете себя так, словно Тимоти – кембриджский первокурсник. Я тоже от него не в восторге, но мое мнение – горбатого могила исправит. Если в двадцать семь лет ты падок на блондинок, значит, туда тебе и дорога!

– Тебе безразлично, что с ним будет? И потом, речь не о блондинке, а просто о новой девушке.

– Шустрый малый! – бросил Кейн.

Миссис Кейн пропустила его реплику мимо ушей и, нахмурившись, продолжила чтение письма свекрови. Наконец, подняв голову, она произнесла:

– Это совсем не смешно, Джим. Он намерен жениться на ней.

– Тимоти? Вздор!

– Он сам сообщил об этом.

– Но кто она?

– По словам твоей матери, она не может это выяснить. Похоже, у нее нет родственников, происхождение неизвестно. Зовут ее, – миссис Кейн заглянула в письмо, – Бьюла Бертли. Леди Харт пишет, что это совсем не снобизм – интересоваться происхождением жены своего сына. Короче говоря, она не возражала бы хоть что-нибудь выяснить о ней и даже проникнуться к девушке симпатией.

– Мать с ней знакома?

– Да, они познакомились у Тимоти. Она пишет, что не по-

нимает, что он в ней нашел, ведь она совершенно ему не подходит и лишена манер. От такой не приходится ждать ничего хорошего. У нее на лице написано «авантюристка» – вот вывод твоей матери.

– Господи! – вскричал Кейн. – Что за нелепость?! Месяца не прошло с тех пор, как мать содрогалась от другой красавицы блондинки и недоумевала, зачем Тимоти такая теща, как миссис Хаддингтон! Где он взял эту?

– У тех же самых Хаддингтонов. Она секретарь миссис Хаддингтон. Леди Харт пишет, что девушка настроена откровенно враждебно и вызывает подозрение. Мать ни слова не сказала об этом сэру Адриану, потому что таких, как эта девушка, он на дух не переносит. Зачем его волновать? Видимо, официального обручения еще не было. Потрудись прочитать письмо сам.

Кейн отложил «Таймс» и неторопливо, с явным намерением свести ее с ума – таково было мнение супруги – прочитал пять страниц, написанных убористым почерком. Затем сложил письмо и отдал жене.

– Ну? – нетерпеливо спросила она.

– Не скажу, что это приятное чтение. – Однако мы располагаем только мнением моей матери. Ты видела женщину, которую она сочла бы подходящей парой для Тимоти? Я – нет.

– Я тоже. Но разве не странно для девушки, знакомящейся с будущей свекровью, не сообщить о своих родителях?

– Может, дело в робости?

– Ерунда! Какая-то она подозрительная, Джим, ты сам это знаешь.

– Нет. А если бы и знал, то что мог бы поделаться, черт возьми? Я не опекун Тимоти!

– Но ты на много лет старше его. Он всегда любил тебя.

– Милая моя, – повысил голос от возмущения мистер Кейн, – возможно, я и являлся для Тимоти героем, когда он был мал, однако с тех пор прошло много лет.

– Конечно, я не утверждаю, что он по-прежнему смотрит на тебя как на полубога, но он тебя очень любит, Джим.

– Разумеется, ведь ему приходилось мириться с моим вмешательством в его дела, – мрачно буркнул Кейн.

– Джим, ты должен что-нибудь предпринять! Ты же не согласишься, чтобы Тимоти угробил свою жизнь? Что толку твердить, что он сам сможет позаботиться о себе? Он ведь бывший десантник. Если тебе все это безразлично, то мне нет. Никогда не забуду, как в ужасные времена Дюнкерка он казался мне ангелом. Ты находился тогда в Италии, а он использовал все два дня своего отпуска, чтобы навестить меня в отвратительном месте, куда я увезла детей. Пытался научить Сайласа ловить мяч, но все без толку, бедняжка был еще совсем мал! Он был таким милым!

– Неужели?

– Не Тимоти, а Сайлас. В общем, тебе нельзя бездействовать, Джим. Попробуй хоть что-нибудь выяснить об этой де-

вушке. Почему бы тебе не съездить в Лондон и не повидать их?

– Я как раз отправляюсь в Лондон на следующей неделе и загляну к Тимоти, но что касается шпионства... Не хватало, чтобы в следующий раз ты стала подбивать меня нанять для слежки за этой злополучной особой целое детективное агентство!

– Ну, если она вызовет у тебя подозрения, то...

В тот момент, когда Кейн подыскивал слова, чтобы выразить свое возмущение, явились Сьюзен Кейн и Уильям Кейн в сопровождении деспота, помыкавшего всем семейством.

– Доброе утро, мамочка и папочка! – воскликнула Сьюзен. – Мы пришли поцеловать вас.

Она водрузила Уильяма Кейна на материнские колени, поскольку не собиралась лишать родителей их детей, и снисходительно улыбнулась Кейну-старшему. Затем смахнула пыль с каминной полки, поправила кресло и жизнерадостно заявила:

– Боюсь, для мамы нынче утром у нас неважные новости, хотя я, как про них услышала, сразу сказала Уинни: «Не надо тревожить миссис Кейн до завтрака». И папочка любит завтракать в тишине, ведь так?

Заметив газету, которую Кейн уронил на пол, Сьюзен подняла ее, аккуратно сложила и убрала подальше, чтобы он не смог до нее дотянуться. Кейн, приступивший к ежеутреннему ритуалу – обучению заходящейся от восторга дочери

удержанию на кончике носа кусочка сахара, — украдкой покосился на жену. Миссис Кейн ответила ему ободряющей улыбкой, зная, что при первой же возможности услышит от него, что ей следует наконец сделать выбор между «этой женщиной» и любящим супругом. В особенно напряженных ситуациях Кейн уточнял, что ему неведома причина, по которой в собственном доме к нему относятся, как к помеси великовозрастного тупицы и двухлетнего ребенка. Сейчас он добавил, что если это исчадие ада еще раз назовет его «папочкой», то за последствия он не отвечает. К счастью для порядка и спокойствия в доме, он либо слишком боялся няни, чтобы претворить свои угрозы в жизнь, либо хорошо сознавал ее незаменимость. К тому же няня, напоминавшая в военное время неприступную, хоть и улыбчивую сторожевую башню, достигла новых высот теперь, когда ужасы мира лишали хозяев последних жизненных сил.

Кейны, вернувшиеся во флигель особняка, унаследованного мистером Кейном от бабки, ввиду чрезмерного налогообложения не могли содержать восемь-девять человек, необходимых в доме и в поместье, и признавали в высокопрофессиональной и накрахмаленной владычице детской подлинное сокровище, чья грубая жизнерадостность превращала в ничто любой домашний кризис. Когда уволилась кухарка, прослышавшая, что в Лондоне она сможет зарабатывать втрое больше, поскольку столичных жителей угрозами легко загнать в дорогие рестораны, няня лишь рассмеялась, доба-

вив, что если мамаша тоже будет иногда присматривать за детьми, то она решит проблему сама. Если горничная Уинни, эта умственно отсталая (что, по утверждению няни, было заметно далеко не всем), бросала работу из-за зубной боли и упрямого отказа выдрать больной зуб, няня утешала страдалицу ночь напролет. Невосприимчивая к новым веяниям, няня, все же слышавшая про прогрессивную доктрину «максимальная плата за минимальный труд», отмела ее, заявив, что «языком серебряные приборы не отчистишь». Нельзя было не восхититься авторшей этого благородного постулата, отвечавшей на соблазны новой эпохи презрительным фырканьем и усердной обработкой ложек и вилок!

Теперь этот образец преданности заявил с видом человека, пересказывающего забавный анекдот:

– Итак, мамочка, утром Флорин не явилась, что меня не удивляет, ей ведь платят раз в неделю, а сегодня только понедельник. Невелика потеря, скажу я вам, хотя обо всем, что она вытворяет, я умолчу: меньше разговору – больше дела, да и что оплакивать пролитое молоко! Я и думаю: посажу Билла в коляску и пойду в деревню, спрошу миссис Формби, не согласится ли она помочь, хотя «помочь» – не то слово, учитывая, сколько вы ей платите, но я о другом. Кухарка кухаркой, но, может, Сюзен тоже не прочь сходить в деревню, верно, лапочка? Нет, вы только посмотрите на эти липкие ладошки, а ведь еще надо нагреть воду, Джексон-то забыл про котел, уходя вчера домой! Куда катится мир? Да, мамоч-

ка, миссис Формби – лучший выход, но на вашем месте я поместила бы объявление в «Глазго геральд», потому что эти шотландки – чистюли, чего о многих других, чьих имен мы в этой компании не называем, не скажешь, верно ведь, детки?

Утратив способность и дальше внимать речам этой чудесной особы, Кейн встал из-за стола с неуклюжестью, свойственной тем, кто оставил лучшую часть левой ноги во вражеской земле. То, что Кейн думал об этой своей потере, он никому не говорил, и единственный произнесенный им вслух намек на нее был благодарностью Провидению, снабдившему его протезом и позволившему не пасть в глазах потомства, слышавшего неоправданную похвалу от их дяди Тимоти. Но для миссис Кейн зрелище надевания папочкой протеза всегда было испытанием, и всякий раз она с замиранием сердца наблюдала его хромоту.

– Забудь про Тимоти! – воскликнула миссис Кейн. – Тебе обязательно ехать на следующей неделе в Лондон?

Джеймс Кейн улыбнулся ей, в три прыжка обогнул стол, чтобы поцеловать ее в щеку и ласково проститься, и удалился с намерением продолжить развлекаться в ближайшем населенном пункте. Из этого миссис Кейн уяснила, что утрата конечности не представляет для него ни физического, ни морального неудобства и он намерен побывать в Лондоне и там постараться отговорить единоутробного брата от заключения нежелательного брачного союза. Теперь она могла посвятить себя домашним проблемам, ведь, что бы Джим ни

говорил, он обладал немалым влиянием на Тимоти и был способен уладить все неприятности.

Эти успокаивающие умозаключения миссис Кейн были бы верны, обратись леди Харт за помощью к ней раньше или отправься Кейн в Лондон без промедления. Вышло же так, что, добравшись до Лондона, он принял участие в действе, которого, как было без прикрас заявлено жене, успел за свою безгрешную жизнь наесться досыта.

Глава 2

– Возьми эклер! – великодушно предложил молодой Харт. – Он сделан, вероятно, из заменителей яиц и наполнен синтетическим кремом, что гарантирует атрофию, а вовсе не избыток веса.

Его спутница, долго сидевшая в хмуром молчании, подняла голову, улыбнулась и произнесла:

– Нет, благодарю, я не боюсь располнеть.

– Это никуда не годится! – простонал Тимоти. – Что за отталкивающее место!

– В каком смысле?

– В том смысле, что это место производит отталкивающее впечатление. Столик маленький, шаткий. Неудобные стулья, мешающие нормальному общению. Атмосфера, как в балагане...

– Я не об этом. Почему никуда не годится, что я не боюсь располнеть?

– Это единственное, чего ты не боишься, насколько я успел заметить.

Она взглянула на него испуганно, потом уставилась в стол и заявила:

– Не говори глупости!

– Я не о том, что всего остального ты боишься. Просто не успел выяснить, чего еще ты не боишься. Чаю?

– Я не выйду за тебя! – выпалила Бьюла.

– Подобные заявления, – ответил Харт как ни в чем не бывало, – не следует делать в людных местах. К тому же это неправда.

– Ты ошибаешься. Я никак не могу выйти за тебя замуж. Как я сразу этого не поняла?

– Почему? Разве у тебя муж-католик, отказывающийся дать тебе развод, или еще какая-нибудь помеха? – с любопытством осведомился Тимоти.

– Конечно, нет!

– Тогда нам не о чем беспокоиться.

– Это тебе кажется. Дело в том, что... Кое о чем в моей жизни ты не имеешь никакого представления!

– Естественно, мы знакомы всего месяц.

– Тебе это не понравится.

– А я уже могу сказать, что в твоей юной жизни мне совсем не нравится, вернее, кто: Дэниел Сэтон-Кэрю.

Она вспыхнула:

– Он для меня пустое место, не беспокойся!

– Приятно слышать. Тогда пусть больше не обнимает тебя и не называет своей маленькой протее.

– Такая уж у него манера. Он годится мне в отцы.

– Да, что вызывает еще больше возражений, – заметил Тимоти.

Бьюла прикусила губу и угрюмо промолвила:

– В общем, ты тут совершенно ни при чем.

– Еще как при чем! Ты дала мне слово, девочка моя!

– Как дала, так и заберу. Я не могу стать твоей женой.

– Тогда я засужу тебя за нарушение обещания. Кстати, чем вызвана подобная резкая перемена?

– Наверное, у меня случилось временное помешательство. Ума не приложу, зачем тебе жениться на мне.

– Господи, а то я не говорил! Я тебя люблю!

– Говорил, говорил... – пробормотала она. – Этого-то я и не понимаю. Откуда взялась любовь?

– На твоём месте я бы об этом не беспокоился. Конечно, если ты настаиваешь, я бы перечислил многое, из-за чего меня к тебе влечет, но по большому счету все это не так важно. Если совсем просто, мы с тобой подходим друг другу. Разве нет?

– Да, но...

– Вот видишь! Знаешь, для умной девушки ты говоришь глупости. Ведь ты сильно удивишься, если я спрошу тебя, что такого ты во мне увидела, чтобы влюбиться?

Глаза Бьюлы весело сверкнули:

– А вот и не удивилась бы! Любому с первого взгляда ясно, что€ меня привлекло. То, на что клюнули еще с полсотни девушек.

– Ты преувеличиваешь, – возразил Харт. – Правильный ответ – сорок три, включая мою малолетнюю племянницу. Боюсь, что наш брак ее сильно огорчит. Она говорит, что сама хочет выйти за меня замуж, что, разумеется, немыслимо.

Если бы мы жили в Средневековье, я бы мог добиться исключительного разрешения.

– Вот дурак! – улыбнулась мисс Бертли. – Не думаю, что племянница – единственная твоя родственница, которая была бы недовольна нашим браком.

– Твоя семья меня не примет?

– У меня нет семьи! – отрезала она.

– Совсем?

– Есть дядя, он женат. Я с ними не общаюсь.

– Ну и повезло мне! – воскликнул Харт. – Мне совсем не хотелось знакомиться с кучей теток и кузенов. Брат свидетельствует, что это ад. Он через все это прошел. Рука распухает от пожатий, ноги гудят от ходьбы, ты думаешь, будто приготовил удачную фразу, а оказывается, что это те слова, которых не следовало произносить.

– Как у меня с твоей матерью.

– Наоборот! Отчетливо помню, как ты сказала ей «как поживаете?» и отпустила невинное замечание насчет зла, порождаемого прогрессом, примером коего служит отбойный молоток. Дальше ваша беседа сплошь состояла из междометий.

Возникла неловкая пауза.

– Я не умею поддерживать беседу, – наконец сказала мисс Бертли.

– Не хочу показаться хвастуном, но все, кто хорошо меня знал, твердили, что я болтаю за двоих, если не больше.

– Твоя мама, – не отступала мисс Бертли, глядя ему в лицо, – заклеила меня авантюристкой, и она права, я именно такая! Теперь ты все знаешь. Моя цель – выйти за мужчину с хорошим положением в обществе, не стесненного в средствах, завидного происхождения. Поэтому я и поощрила тебя сделать мне предложение.

– Неужели? – удивился Харт. – Зачем же было тратить время на меня вместо того, чтобы нацелиться на нашего нового пэра из социалистов?

С личика мисс Бертли мигом сошло выражение воинственности.

– Ты о Лансе Гизборо? Если бы он вдобавок следил за ногтями и стриг волосы...

– Милая моя! – Харт посуровел. – Если позволишь влиять на твое суждение таким мелочам, то ничего не добьешься. Я был о тебе лучшего мнения. Стоило ли тратить время и заманивать в брачную ловушку меня, когда рядом киснет целый живой барон? Или тебя ввели в заблуждение? Когда-нибудь, правда, нескоро, я унаследую титул баронета; но независимость в средствах – это не обо мне. Юристы и их клиенты ныне в таком положении, что я счастлив, когда доводится выступить в заштатном полицейском суде за самое скромное вознаграждение. Вид у меня холеный, с намеком на достаток, но за это я должен благодарить щедрость отца, поддерживающего меня материально. Вот что значит судить по внешности! Не скажу, что Гизборо богач, однако не забывай:

одна птица у него в руках стоит двух в кустах. Сколько многообещающих коммунистов соглашалось под женским влиянием остричь патлы и воздержаться от ношения галстуков кричащих расцветок!

– Замолчи, Тимоти! – попросила Бьюла. – Между прочим, он принадлежит к числу обожателей Синтии Хаддингтон.

– Вспомни, сколько раз ты и меня причисляла к ее обожателям.

– Сам сознался! – воодушевилась Бьюла. – Хотя если бы ты вокруг нее не увивался, мы бы не познакомились.

Харт вздохнул:

– Потанцевать три раза с девушкой, которой тебя представили в гостях, а потом принять от ее матери приглашение на бал и позвонить с вежливой благодарностью значит увиваться? Признаюсь: грешен.

– Так или иначе, – не унималась Бьюла, – миссис Хаддингтон числит тебя среди перспективных кандидатов. Знала бы она, что сейчас мы с тобой пьем чай, – прогнала бы меня!

– В таком случае поторопись на Чарлз-стрит, милая, и все ей выложи, – посоветовал Харт. – Вот только оплачу здесь счет – и устрою, чтобы уже завтра мы смогли пожениться. Будешь потом долгими зимними вечерами развлекать меня воспоминаниями о том, как тебя угораздило наняться к этой сухой цапле.

– Если хочешь знать, это место мне добыл Дэн Сэтон-Кэрю. Ну, еще не передумал на мне жениться?

– Я потрясен, однако непреклонен. Как такой особе удалось проникнуть в приличное общество?

– Подозреваю влияние леди Нест Паултон, – объяснила Бьюла. – Они подруги.

– В какие времена мы живем! Бедный старик Грейстоук! Ему, конечно, пришлось продать поместье, но я не подозревал, что Эллербек падет так низко!

– Ты несправедлив! – возразила Бьюла. – О положении лорда Грейстоука мне ничего не известно, зато я знаю, как и все, что супруг леди Нест купается в деньгах.

– Так я и думал. И где тут связь?

– Какая?

– А такая, прелесть моя, что при всей своей безмозглости леди Нест не стала бы заводить дружбу с незнатной вдовой и все ей выкладывать, не будь на то серьезных оснований.

– А еще говорят, что женщины язвительны! – презрительно воскликнула Бьюла. – Может, ты подозреваешь связь между ней и Дэном Сэтоном-Кэрю? Она дружит и с ним.

– Боже правый! Неужели все Эллербеки – безумцы?

– Сэтона-Кэрю считают привлекательным мужчиной.

– Кого он привлекает? Таких же дурней, как он сам?

– Например, леди Нест Паултон. Ее ты тоже отнесешь к категории дурней?

– Нет, к категории слабых личностей. Такие женщины в «веселых двадцатых» были падки на социальную демагогию – она щекотала им нервы. Хотя это ваше сборище на Чар-

лз-стрит я бы назвал скорее зверинцем.

– Перестань, Тимоти! – возмутилась Бьюла. – Там бывают весьма уважаемые люди.

– Могу представить нескольких безвредных субъектов, вообразивших, будто знакомство миссис Хаддингтон с леди Нест снимает с нее подозрения.

– Не отнесешь же ты к подобным субъектам полковника Картмела или сэра Родерика Уикерстоуна?

– Их – нет, любимая. Общеизвестно, что эти престарелые крокодилы заверят печатью своего присутствия респектабельность любого дома, где хорошо кормят и поят. Твоя уважаемая хозяйка наверняка приобретает вина и яства лишь на черном рынке?

– Даже если бы знала, не сказала бы! Все-таки я у нее служу.

– Значит, там. Кстати, каков твой статус в ее доме? Она называет тебя своим секретарем, но, похоже, ты часто рыщешь по Лондону со списком покупок.

– Секретарскую работу я тоже выполняю, только ее, конечно, немного, поэтому я хожу для нее за покупками и слежу, чтобы все было хорошо, когда она устраивает приемы. Вообще, стараюсь не допускать неприятностей.

– Сколько длится твой рабочий день? – вежливо осведомился Харт.

– Установленных часов нет. Предполагается, что я буду уходить в шесть, но миссис Хаддингтон предпочитает, чтобы

я и позднее находилась у нее под рукой.

– Вот как? Не иначе, ты вытянула длинную соломинку!

Бьюла горько усмехнулась:

– Увы, я не член профсоюза. Получаю три фунта десять шиллингов в неделю и стол – либо вместе с семьей, либо отдельно, на подносе в библиотеке. Так мне нравится гораздо больше!

Ей вдруг стало не по себе от изучающего взгляда ярко-синих глаз Харта.

– Зачем тебе все это? – спросил он. – Твоя хозяйка, говоря начистоту, стерва стервой и не видит в тебе человека. Ты обязана вставать перед ней навтыжку по любому щелчку пальцев с утра до позднего вечера. В чем смысл?

– Меня это устраивает. В наши дни работа на дороге не валяется. – Бьюла поспешила сменить тему: – Придешь на бридж?

– Да, а ты?

– Конечно, тоже там буду. Но играть не стану.

– Кто приглашен? Все те же?

– Да. Одиннадцать карточных столов плюс один-два человека, предпочитающих считать очки или просто наблюдать. Леди Нест будет с супругом, что уже придает вечеру блеск. Обычно он обходит Чарлз-стрит за милую.

– Кто станет его за это винить? Наверное, про присутствие великолепного Дэна Сэттона-Кэрю спрашивать излишне?

– Конечно, он тоже будет. Послушай, Тимоти, ты ревну-

ешь? Если да, то немедленно выбрось эти мысли! Сначала я думала, что он как-то связан с миссис Хаддингтон, но, по моему, ошиблась: его интересует Синтия.

– Сатиры и нимфы! Нелепость! Будем надеяться, что это просто мимолетное увлечение. Трудно представить его женихом: слишком у него либеральные взгляды... Однако если он применяет свои чары к этой красавице, то можно понять, почему молодой Сидни Баттеруик так темпераментно развлекал компанию в тот вечер, когда мы слушали на Чарлз-стрит Столхэмский струнный квартет.

– Ты отвратительный!

– Отвратительным там был не я, – возразил Тимоти. – И я не воспользовался бы этим словом для описания ситуации. Я не против легкого утешения, к тому же человек широких взглядов...

– Шире некуда!

– Да, ширины моих недостает, чтобы объяснить ситуацию на Чарлз-стрит. Все-таки для меня она связана с девушкой, на которой я намерен жениться.

– Ты действительно считаешь меня невинным цветочком?

– Да, невзирая на все твои попытки убедить меня, что ты уже много лет умудренная светская дама.

Бьюла пожала плечами:

– Не моя вина, если ты упорствуешь в своих иллюзиях. Я предупреждала, что ты ничего обо мне не знаешь.

– «Ничего» – все-таки преувеличение! – радостно заявил

Тимоти. – Например, мне известно, что в определенный момент ты возомнила, будто против тебя ополчился весь мир. Еще я знаю, что ты в ссоре со своей родней, и под твоей малоубедительной личиной ранней умудренности скрывается страх.

– Страх? Чего мне бояться? – резко спросила она.

– Этого я не знаю и не готов выпрашивать. С меня довольно ждать и дожидаться того дня, когда женский инстинкт подскажет тебе, что я – тот, на кого ты можешь положиться.

Бьюла встала, схватила перчатки и сумочку и произнесла:

– Мне пора. Уже очень поздно. Не провожай меня. Я...
Лучше не надо.

Глава 3

Дом на Чарлз-стрит, снимаемый миссис Хаддингтон, внешне почти не отличался от соседних домов, но изнутри не был похож вообще ни на что: по мнению молодого Харта, особенным его делало полное отсутствие индивидуальности. Обстановка просторных комнат не претендовала на уют. Всем, от тщательно продуманного расположения дорогих цветов в многочисленных вазах до выбора иллюстрированных журналов, выложенных на низком столике перед камином в гостиной, дом напоминал свежему гостю салон высококлассной мебели. Роскошные диваны и кресла, обитые той же тканью, которой были занавешены высокие окна, не говоря о подушках с огромными кистями, были расставлены и разложены с пристальным расчетом и непрерывно взбивались либо дворецким, либо самой миссис Хаддингтон.

Холл и лестницу застелили зеленовато-желтыми коврами. Под зеркалом в золотой раме стоял столик в стиле «ри-дженси», по сторонам от него несли караул два шератонских кресла с обивкой в тон ковру. Дверь из холла открывалась в столовую, где царили красное дерево и алая парча. Еще одна дверь, малозаметная, вела на лестницу в полуподвал. Там была другая дверь, за ней располагалась комната, обставленная как библиотека. Два ее высоких окна с внутренними ставнями и с занавесками из плотного бурого бархата

выходили в столовую и в крытый сад с солнечными часами и несколькими клумбами, где цвели, в зависимости от сезона, нарциссы или герань. Вдоль стен теснились книги знаменитых авторов в красивых переплетах. На столе с двумя тумбами, водруженном между окнами, лежала толстая книга для записей в переплете из выделанной кожи, стояли ящик из красного дерева, где были сложены конверты и писчая бумага, и серебряная чернильница. Все кресла были обиты грубой кожей. Над комнатой помещалась еще одна, с выходом на лестницу между первым и вторым этажами, принадлежавшая хозяйке и известная всем, кроме мисс Бертли (упорно называвшей ее «гостиной миссис Хаддингтон»), как будуар. Она имела те же пропорции, как и комната внизу, но оформление было иное. Днем два ее окна затягивал тюль, который в темное время суток сменяла сиреневая парча. Ореховый столик с алебастровой сигаретницей и такой же пепельницей стоял рядом с кушеткой, заваленной сиреневыми и розовыми шелковыми подушечками. Два кресла были обиты сиреневым атласом, остальные, названные изготовителями «дополнительными», заполняли пустые места вдоль обшитых панелями стен. Пол закрывал пурпурный ковер. В углу между дверью и окном стоял столик на выгнутых ножках, служивший постаментом для телефонного аппарата, покрытого кремовой эмалью, и для лампы с розовым шелковым абажуром. Рядом с этим столиком находился стул, тоже колесный, ромбовидная спинка и пружинистое сиденье кото-

рого были обиты той же сиреневой парчой, свисавшей по бокам от окон. Цветочный мотив был представлен в комнате алебастровой вазой, в нее летом ставили розы или гвоздики, а зимой лунник или лаванду.

Второй этаж дома полностью занимала гостиная – комната в форме буквы L. Первоначально здесь было две комнаты, соединенных сводчатым проходом. Над гостиной располагались спальни миссис и мисс Хаддингтон с ванными комнатами. Выше, сразу на двух этажах, простиралась терра инкогнита, населенная слугами миссис Хаддингтон.

Мисс Бьюла Бертли, чье задание в этот февральский день заключалось в обнаружении в Лондоне фирмы, которая взялась бы поставить по сходной цене икру для компании примерно из полусотни человек, вернулась на Чарлз-стрит и нашла хозяйку в гостиной, где та принимала свою единственную и притом незамужнюю сестру Вайолет Пикхилл. Между двумя дамами существовало внешнее сходство: обе худые, с длинными руками и ногами, с орлиным профилем. При этом было бы трудно подобрать двух других настолько несхожих людей. Мисс Хаддингтон была ухоженной и нарядной, ее худоба вместе с внушительным ростом всегда радовали портных. В медных волосах, уложенных красивыми волнами, не было заметно седых прядей. Голубые глаза были слишком холодными, чтобы назвать их красивыми, но черты лица скорее приятными, и жесткость тонких губ обычно скрывала светская улыбка.

Мисс Пикхилл, моложе сестры на несколько лет, не прибегала к искусственным средствам приукрашивания своей внешности. Она была ниже сестры и еще тоньше, цвет ее лица и волос выглядел естественным, то есть в первом случае вообще отсутствовал, а во втором сменился с золотого на бледно-соломенный, местами подернутый сединой. Одежда из достойного материала была скроена безвкусно. Обитала она в запущенном доме неподалеку от Патни-Хилл, унаследованном у отца, и интересовалась приходскими делами, герл-скаутским движением, Женской консервативной ассоциацией и тому подобными достойными предметами. Невозможно было понять, что влечет ее в дом на Чарлз-стрит, поскольку мисс Пикхилл не одобряла все, что там видела, а ее визиты туда не поощрялись. Собственно, мисс Пикхилл туда и не тянуло, просто воспитание не позволяло забыть о долге, состоявшем в том, чтобы приглядывать за сестрой. Также она считала своим долгом отпускать критические замечания по поводу манер, облика, нравственности и амбиций миссис Хаддингтон и предрекать будущность в сточной канаве для своей племянницы, чье воспитание, по ее словам, истощалось макияжем и беготней за молодыми людьми.

Мисс Пикхилл как раз распространялась на эту неисчерпаемую тему, когда Бьюла вернулась после чаепития с молодым Хартом, и только что уведомила сестру, что та непременно раскается, что отправила дочь учиться в Швейцарию, а не вырастила ее достойным членом общества. При виде

своего секретаря миссис Хаддингтон не выразила удовольствия.

– Ну? – резко спросила она. – Что там?

– Простите, что прерываю, – произнесла Бьюла, выкладывая на кресло шелковый лоскут. – Это ближе всего к тому материалу, какой вы велели взять за образец.

– Никуда не годится, – заявила миссис Хаддингтон, презрительно теребя лоскут кроваво-красным ногтем. – Казалось бы, вы должны сами видеть это.

– Именно так, однако я решила принести вам доказательство. Икра всюду стоит одинаково.

– Иногда спрашиваю себя: за что я вам плачу?

Бьюла вспыхнула и поджала губы.

– Вот и я постоянно твержу то же самое! – подхватила мисс Пикхилл. – Для чего здоровой женщине твоего возраста, Лили, нужен секретарь, или как там называет себя мисс Бертли? Бегать за покупками? Икра? Очередной многолюдный прием? Бедный отец перевернулся бы от этого в гробу.

– Довольно! – произнесла мисс Хаддингтон, жестом отпуская Бьюлу.

– Я еще понадоблюсь вам сегодня? – спросила та.

Миссис Хаддингтон заколебалась. У нее намечались посещение театра и последующий ужин в новейшем и моднейшем ресторане Лондона, а значит, секретарь была ей уже ни к чему.

– Нет, можете идти, – промолвила она. – Не опаздывайте

завтра утром.

– Я никогда не опаздываю. Хорошего вечера!

– Дерзкие манеры у этой девицы! – проворчала мисс Пикхилл, когда за Бьюлой закрылась дверь. – Хотя ты сама виновата, у тебя замашки погонщицы рабов! Полагаю, она вот-вот уйдет от тебя.

– Никуда не денется! – усмехнулась миссис Хаддингтон.

– Напрасно тешишь себя надеждами! Нынешние девушки не желают, чтобы ими помыкали. Мое дело предупредить.

– Я знаю о мисс Бьюле Бертли слишком много, чтобы она поторопилась уйти. А сейчас, если не возражаешь, я поднимусь переодеться. Собираюсь в театр.

– Театры, балы! – прошипела мисс Пикхилл. – По-моему, у тебя на уме одно это. Где ты берешь деньги на все эти причуды? Ведь Хьюберт не оставил тебе состояния. А если бы и оставил, правительство все равно отняло бы его у тебя. Иногда я часами лежу без сна и переживаю из-за твоего образа жизни, Лили. Того и гляди, прочитаю в газете, что тебя привлекли к ответственности за обман налогового управления или за содержание игорного дома.

– Игорный дом? Опомнись, Вайолет!

– С тебя станется, – мрачно отозвалась мисс Пикхилл. – Можешь сколько угодно дурачить своих надутых друзей, но меня не проведешь! Ты ни перед чем не остановишься, Лили. Всегда была такой: лишь бы добиться своего, не важно, какими средствами! Никогда не забуду, как ты отвергла бед-

нягу Чарлза Фриска, потому что появился Хьюберт с вдвое большим доходом. О мертвых плохо не говорят, но мне он никогда не нравился, отцу и подавно. Он повторял, что в нем есть какая-то червоточина, а уж с какими типами он якшался... До чего же все они были вульгарны! Как этот Сэтон-Кэрю, с кем я вечно здесь сталкиваюсь!

— Против этого есть верное средство: не приходить сюда! — заявила миссис Хаддингтон.

— Я знаю, что меня здесь не ждут. Но кровь не водица, и я помню о своем долге, Лили!

Она подставила сестре щеку, к которой миссис Хаддингтон слегка прикоснулась своей щекой, и сказала, что можно не вызывать дворецкого, так как найдет дорогу сама. После ее ухода миссис Хаддингтон уже двинулась к себе в комнату, но тут дверь опять открылась, и перед ней предстала дочь.

Девятнадцатилетняя Синтия Хаддингтон была девушкой выдающейся красоты: ослепительная золотая блондинка с огромными ярко-синими с зеленым оттенком глазами. Стройная фигура, элегантный покрой одежды и умеренное пользование тушью для бровей и ресниц доводили ее облик до совершенства. Дорогой девичий пансион, мало что добавивший к ее незавидным умственным способностям, научил ее двигаться грациознее сверстниц. Она хорошо танцевала и каталась на коньках, неплохо играла в теннис; недурно держалась в седле и могла не ударить в грязь лицом на выездке, но не на охоте. Характер у нее был неровный, здоровье

не очень крепкое. В свой первый светский сезон Синтия частенько болела, но постепенно привыкла поздно ложиться, стала проявлять необходимую в свете выносливость и научилась быстро восстанавливать силы. Занимаясь приятными ей делами, она бывала весела и добродушна, но, когда что-либо нарушало ее планы, с ней могло случиться, по выражению ее матери, «нервное завихрение», то есть приступ гнева. Недоброжелатели категорически отказывали Синтии в уме, но были, пожалуй, несправедливы. Когда выдавалось несколько свободных минут, она листала светские журналы, а порой даже читала подписи под фотографиями в них. Войдя в свою спальню, неизменно включала радио.

Сейчас Синтия имела утомленный вид, но все равно выглядела чрезвычайно кокетливо в маленькой шляпке и на высоченных каблуках. Не отрывая взгляда от рекламных проспектов, она проговорила немного в нос:

– Мама, я столкнулась в дверях с тетей Вайолет. Никуда от нее не деться! Зачем ты впускаешь ее в дом? От нее одна зараза.

– Не могу же я ей запретить, – ответила миссис Хаддингтон, с нежностью глядя на изящную фигурку дочери. – Тебе идет это платье. Раньше я сомневалась, а теперь вижу – идет. Где ты была, дорогая?

– В кино с Лансом. Потом попили чаю. – Синтия опустилась в кресло и сняла шляпку. – Мне не понравилось: с титрами, все говорят по-итальянски, просто слабительное ка-

кое-то! Зато Ланс в полном восторге.

– О! – отозвалась миссис Хаддингтон. – Ланс? Ну, ничего. Не скажу, что этот молодой человек мне очень нравится, я бы одобрила, если бы ты встретила с Тимоти Хартом.

– Тимоти – просто чудо! – согласилась дочь. – И внешне-стью выигрывает у Ланса: мне нравятся голубые глаза в сочетании с темной шевелюрой, а тебе? Хотелось бы, чтобы аристократом был он, а не Ланс.

Миссис Хаддингтон не уловила в этих наивных речах ничего предосудительного. В целом она была с ними согласна, однако заметила, что принадлежность к аристократии – еще не все.

– Мне не нравится образ жизни Гизборо и его причудливые идеи. Если бы не его наследственный титул... – Она сделала выразительную паузу. – Конечно, лорд Гизборо – звучит громко, но воспитание у него хромает. – Насколько я смогла выяснить, мать у него была женщина простая, к тому же... Но это не важно.

– Ты о том, что, прежде чем выйти замуж за отца Ланса, она была его любовницей? – уточнила Синтия. – Трикси ужасно этим горда, потому что она коммунистка и выступает против уз брака.

– Беатрис Гизборо ничем не может меня удивить, хотя отрицание брака не имеет ничего общего с коммунизмом.

– Неужели? Наверное, я что-то напутала. Но я точно знаю: она жалеет, что отец женился на ее матери, ведь не будь этой

женитьбы, Ланс не стал бы лордом Гизборо – ненавистный ей титул! К ней самой тоже не обращались бы «достопочтенная». Она упорно уговаривает Ланса стать просто «мистером Гизборо». Вряд ли бедняжке Лансу это понравилось бы. По моему, он наслаждается тем, что лорд.

– В таком случае ему не мешало бы научиться вести себя, как подобает лорду, – ядовито заметила миссис Хаддингтон.

– Я тоже так считаю, – поддакнула Синтия.

– В общем, я предпочла бы видеть тебя с юным Хартом.

– Да, но лордом ему не бывать, мамочка!

– Не лордом, так баронетом. Он из очень хорошей семьи. Такое происхождение – именно то, чего я желала бы для тебя, деточка. В Гизборо я не уверена. Общается невесть с кем, придерживается сомнительных политических взглядов, рос в той еще обстановке... Иногда я даже сомневаюсь, что его когда-нибудь пустят в хорошее общество, даром что он носит титул. Его отец был, похоже, склонен к мотовству, а после своей губительной женитьбы вообще стал изгоем.

– Как тебе удалось это узнать? – удивилась Синтия.

– Я приложила немалые старания. Не хочу, чтобы ты совершила ошибку и испортила себе жизнь. Ты – все, что у меня есть, и все, что мне дорого, Синтия, и я добьюсь, чтобы ты получила от жизни самое лучшее.

Дочь зевнула.

– Все равно я выйду замуж за того, кто мне больше приглянется, – сказала она. – Пожалуй, я все-таки предпочла бы

Ланса, ведь он не только лорд Гизборо, но и ни перед чем не останавливается, чтобы сделать мне приятно. Конечно, я не теряю от него голову, как от... Ни от кого я ее не теряю! В общем, я пока не решила!

Миссис Хаддингтон заглянула ей в лицо, похожее на распускающийся бутон, и с огорчением увидела на нем утомление и неудовольствие.

– Ты утомлена, – заключила она. – Тебе бы отдохнуть. Как некстати эта премьера!

– Я вытерплю, – пробормотала Синтия, с трудом удерживая открытыми веки.

– Не надо было ходить с Гизборо в кино.

– Глупости, мама! Чем еще было заняться? Сидеть дома и читать книгу?

Миссис Хаддингтон оценила силу этого довода и замолчала. Услышав мелодичный бой позолоченных часов, она воскликнула:

– Придется поторопиться, иначе опоздаем! Синтия, милая, признайся, ты не встречалась тайком от меня с Дэном?

Дочь широко распахнула глаза:

– Дэн? О чем ты?

Миссис Хаддингтон присела на подлокотник кресла и любовно погладила дочь по золотистой головке.

– Послушай маму, сокровище мое! Знаю, Дэн привлекателен, но он тебе не пара. Да, он мой старый друг, но если бы я узнала, что ты...

– Мама, у меня нет ни малейшего желания отбивать у тебя Дэна!

Миссис Хаддингтон сочла излишним порицать ее за такие речи и сказала только:

– Ну и хорошо. Только не воображай, будто я не знаю, как он старается понравиться тебе. Конечно, мужчины его возраста...

– ...слишком старомодны! Перестань, мама! Неужели уже шесть часов? Придется поднажать!

Она вскочила с кресла и нагнулась за шляпкой.

– Ты успеешь принять теплую ванну, – успокоила мать. – Она освежает!

– Все будет хорошо. Кто наши кавалеры?

– Роди Уикерстоун, Кенелм Гизборо с супругой и Фредди Атерстоун.

– Господи... – простонала Синтия.

– Знаю, милая, какая это тоска, но Гизборо знакомы со всеми, и я мечтаю, чтобы миссис Атерстоун пригласила тебя к себе на бал. Это было бы очень своевременно...

– Мне заранее скучно, – пожаловалась Синтия. – Кенелм Гизборо – тошнотворный зануда, женат на пустышке, да еще не выносит Ланса за то, что тот стал наследником. Пьеса, боюсь, тоже окажется отвратительной – с «посланием» или чем-то подобным, заставляющим рыдать от скуки!

Во взгляде миссис Хаддингтон мелькнуло огорчение.

– Милая, если ты действительно устала, то я позвоню Нест

и попрошу ее...

– Не надо суеты, мама! Ванна приведет меня в чувство.

Миссис Хаддингтон испытывала на сей счет сомнения, но, снова увидев дочь, она была вынуждена заключить, что горячая ванна превратилась в чудо-средство. Синтия, видение в мягких тонах развевающегося желтого шифона, через три четверти часа сбежала по лестнице и ворвалась к собравшимся театрам, подкреплявшимся в библиотеке сэндвичами под коктейли. Она с улыбкой попросила прощения за опоздание и так сияла глазами, что Фредди Атерстоун, недавно покончивший с пленом одного брака и готовившийся к новому, испытал сильный душевный трепет. Одной миссис Хаддингтон, на время разучившейся моргать, лучезарная красота дочери будто не доставила никакой радости. Миссис Гизборо впоследствии внушала своему мужу Кенелму, что взгляд Лилии, обращенный на Синтию, был чрезвычайно странен, однако странность эта была до того скоротечной, что Кенелм Гизборо имел все основания утверждать, будто ничего не заметил, а его супруга просто выдумывает небылицы.

Глава 4

К девяти часам вечера вторника, когда у миссис Хаддингтон собиралась компания для игры в бридж-дуплет, несколько человек пребывали во взвинченном состоянии, а мисс Бьюле Бертли пришлось в целях борьбы с начавшейся головной болью глотать аспирин.

День сразу не задался: один из приглашенных вынужденно пришел к заключению, что обстоятельства, над коими он не властен, не позволят ему участвовать в почтенном собрании. Заверив уклониста сладчайшим голосом, что в его отсутствии не будет ничего страшного, миссис Хаддингтон зло бросила трубку и потребовала, чтобы горничная, принеся на подносе завтрак, немедленно прислала к ней мисс Бертли с записной книжкой. Услышав, что мисс Бертли явится на Чарлз-стрит только через четверть часа, она разразилась ядовитой тирадой на тему о лени и никчемности всей своей прислуги, что, конечно, только усугубило решимость стоявшей перед ней представительницы данного ненадежного контингента. Поджав губы, горничная поспешила обиженным тоном попросить хозяйку принять ее уведомление об уходе.

– Не дурите! С какой стати вам увольняться? – спросила миссис Хаддингтон.

Сказав, что не намерена отвечать на этот вопрос, мисс

Мапперли, противореча сама себе, принялась перечислять многочисленные причины, не позволяющие ей более оставаться под крышей миссис Хаддингтон. Главной среди них было ее нежелание прислуживать сразу двоим. По ее словам, жаловаться было не в ее правилах, но для мисс Синтии требуется отдельная прислуга, причем ее, Мапперли, нанимали не для этого.

Миссис Хаддингтон собиралась занять горничную перешивом купленного для Синтии на этот вечер платья, которое бессовестный портной доставил накануне в далеко не безупречном состоянии, но теперь уяснила, что ее планы на день подлежат пересмотру. Не имея склонности препираться с человеком, норовящим сбежать от нее по малозначительной причине, она просто выпроводила мисс Мапперли и обрушила свой гнев на секретаря.

Бьюла явилась на Чарлз-стрит только в десять, и это дало хозяйке повод словесно выместить на бедняжке дурное настроение. То, что миссис Хаддингтон сама велела ей начать утро с похода на рынок в Ковент-Гарден и купить там цветов на вечер, было благополучно забыто. Мол, у Бьюлы было достаточно времени, чтобы дважды сходить туда и вернуться.

– Обойдемся без ваших извинений! Принесите снизу мою записную книжку. Вечером мне будет не хватать одного игрока. Потом отправитесь в Фулхэм, к мисс Спеннимур, и передадите ей, что я жду ее сегодня для перешива платья мисс Хаддингтон. Ума не приложу, почему она не подходит к те-

лефону? Раз с ней так трудно связаться, проще было бы вообще отказаться от ее услуг. Цветами займетесь, когда вернетесь.

К моменту возвращения Бьюлы от портнихи миссис Хаддингтон уже заняла последнюю линию обороны и была вынуждена пригласить вместо выбывшего гостя последнего человека, которого желала видеть у себя. Сесть за карты сама она не считала возможным, ведь это помешало бы спокойному течению игры, да и хозяйский присмотр нужен повсеместно. Всплыла кандидатура Сидни Баттеруика, как нарочно, не знавшего, чем занять вечер. Переставив столы так, чтобы он и Дэн Сэтон-Кэрю дольше играли в разных помещениях, мисс Хаддингтон понадеялась, что лишила его возможности проявлять ревность, которая всегда охватывала Сидни при виде Сэтона-Кэрю. Будучи даже более терпимой, чем молодой Харт, миссис Хаддингтон тем не менее не выносила сцен с повышенными тонами и обгрызанием ногтей, разыгрывавшихся порой на ее изысканных приемах.

Бьюла вернулась со сведениями, что мисс Спеннимур, по ее собственному выражению, сделает все, чтобы уважить миссис Хаддингтон во второй половине дня. Это отчасти сняло утреннее раздражение, однако безмятежность продолжалась недолго: по сведениям повара, лобстеры еще не прибыли в Лондон, и никто из торговцев рыбой не смог заверить, что припозднившиеся ракообразные успеют на стол к ее гостям. Повар осведомлялся, каким другим деликатесом

мадам намерена убажить сотню утроб? Стоило миссис Хаддингтон уладить эту проблему, как ее вниманием завладел Фримби, до крайности высокомерный дворецкий. Из-за своего повышенного оклада и поддержки хозяйки в его борьбе с остальной челядью он удерживался у нее дольше всех остальных, с самого ее водворения на Чарлз-стрит полтора года назад. Фримби был неизменно вежлив, считая неучтивость ниже своего достоинства, однако глубоко презирал хозяйку и нередко смущал избранных слуг, к которым снисходил, нелестными сравнениями между ней и своими прежними хозяевами. Бережливость, к которой миссис Хаддингтон принуждали обстоятельства, причем нередко в ущерб слугам, дворецкий воспринимал как личное оскорбление и твердил, что не привык «к подобным ухищрениям». В данный момент он был обижен отказом хозяйки привлечь помощь со стороны для облегчения его участи предстоящим вечером и уже выразил деревянным поклоном и приподнятой бровью свое отношение к людям, не возражающим, чтобы по меньшей мере половине их гостей прислуживали секретарь и горничная. Считая это покушением на свое достоинство, Фримби перечислял их миссис Хаддингтон как непреодолимые, хотя в другом доме легко их обошел бы. К тому же он был раздражен Бьюлой, которую сильно недолюбливал: она оставила охапку листвы в раковине уборной и несколько деревянных поддонов с оранжерейными цветами в холле, попросив его к ним не прикасаться. Тоном измучен-

ного страдальца Фримби осведомился у миссис Хаддингтон, закончит ли мисс Бертли с цветами до обеда. Добавил, что если она намерена заниматься цветами в уборной, то следовало бы уведомить его об этом заблаговременно, поскольку уборка там уже произведена и теперь придется ее повторить.

Миссис Хаддингтон ответила, что цветы должны были расставить еще несколько часов назад, чем рассердила Бьюлу, заявившую, что в таком случае не следовало отправлять ее в Фулхэм. Уйдя, Бьюла постаралась как можно гуще насорить листьями, стеблями и корой. Воцарившееся спокойствие нарушила Синтия Хаддингтон, как водится, проспавшая допоздна и только теперь появившаяся из своей спальни с громким требованием ко всем немедленно оставить все прежние занятия и заняться поиском ее любимой компактной пудреницы, которую она куда-то задевала. Эта ужасная потеря грозила опечалить ее на всю оставшуюся жизнь, поэтому в доме начался переполох. Настроение Синтии, и так не бывавшее утром благостным, ухудшалось с каждой минутой. Доведя всех до белого каления требованиями обыска самых неподобающих углов и настойчивым утверждением, что пудреница была при ней при отходе ко сну накануне, она чуть не спровоцировала кризис домашнего масштаба, заявив, что пудреницу наверняка кто-то стянул.

Миссис Хаддингтон сначала проявляла к бедствию поверхностный интерес, но теперь поспешно вмешалась в события и велела дочери не нести чушь, напомнив, что пудре-

ниц у нее по меньшей мере еще четыре штуки.

– А эта была любимая! – закапризничала Синтия. – Я не вынесу утраты! Такая кругленькая, с вышивкой и с...

– Конечно, милая, все мы знаем, как она выглядит! Это же рождественский подарок Дэна? Обязательно найдется, не переживай.

Но Синтия была глуха к увещаниям. Она бегала по комнатам, оставляя за собой хаос и донимая всех вокруг жалобами и упреками, пока не утомилась, поняв, что уже час дня и именно в это время ей надлежит быть на ланче в «Кларидже». Опоздание станет неприличным, если она не поторопится.

Миссис Хаддингтон тоже пригласили на ланч, однако она нашла перед уходом время осудить то, как мисс Бертли поставила цветы, и назвать вазы «грязными».

– Знаю, получилось не очень удачно, – вздохнула Бьюла. – Трудно, когда выбор невелик, а гвоздики такие непрочные!

– Человек со здравым смыслом сообразил бы скрепить их проволокой, – сказала миссис Хаддингтон. – Получается, мне самой надо обо всем думать! Извольте все переделать – и, прошу вас, пошевелите мозгами!

– У меня их нет, поэтому подскажите заодно, какая понадобится проволока и где ее найти, – резко произнесла Бьюла.

Миссис Хаддингтон прищурилась:

– Станете и дальше так со мной разговаривать, придется потом раскаиваться. Обратитесь к Фримби, а если у него не

окажется проволоки, то купите ее. — И она удалилась.

Зная, что Фримби с радостью отвергнет смелое предположение о существовании в доме даже мельчайшего обрывка проволоки, Бьюла нехотя отправилась на ее поиски.

Возня с цветами, сопровождаемая хождением вверх-вниз со всевозможными емкостями, лишила мисс Бертли сил. Сгибание толстоватой и закрученной проволоки тоже было нелегким делом. Ее даже посетила мысль, что проволока для вешания картин — не совсем то, что требуется в данном случае, однако, проявив смекалку и изрядно повозившись, она добилась желаемого результата. Вазы были размещены по-другому, пол в уборной засверкал, лишняя проволока, смотанная в аккуратный моток, легла на полку до следующего раза. Бьюла уже предвкушала полчаса отдыха, когда в дверь позвонили, и через несколько минут Фримби сообщил о приходе портнихи, интересующейся, чем ей заняться до возвращения мисс Синтии.

Зная, что хозяйка возмутилась бы бездействием мисс Спеннимур в ее доме, Бьюла опять отправилась наверх, на сей раз в спальню Синтии. Эта комната на третьем этаже, в глубине дома, представляла собой апофеоз оформительского искусства. Ее можно было назвать «симфонией атласа». Ткань восхитительной персиковой расцветки украшала здесь окно, все кресла, туалетный столик в форме почки, ею же были обиты изголовье и изножье кровати. На предметах мебели сидели в небрежных позах неряшливые кук-

лы, одна из них оседлала розовый эмалированный телефон у кровати. В комнате царил привычный беспорядок – результат совместных усилий одной личной горничной и двух других, втроем не сумевших совладать с манерой Синтии ронять снятую одежду на пол, а пудреницы, расчески, заколки и использованные бархотки – на туалетный столик. Бросив на неопрятный столик презрительный взгляд, Бьюла вытянула из комода ящик и извлекла оттуда клубок чулок. Логика подсказывала, что они нуждаются в штопке, поэтому она зажала их все под мышкой и поднялась на следующий этаж, в комнатуху, всегда отводившуюся мисс Спеннимур для работы. Там имелись стул, стол, швейная машинка, электрический утюг, две гладильные доски и старинная газовая плита, заменявшая почти утраченную способность нагреваться шипением и дымом.

Мисс Спеннимур, известная многим заказчицам как «посещающая меня маленькая женщина», действительно была малорослой и тощей старой девой, добывавшей скудные средства к пропитанию рысканием по Лондону и починкой одежды в чужих домах. Она величала себя портнихой, но это было слишком громко сказано, поскольку в данном качестве ее эксплуатировали лишь наименее требовательные заказчицы. Мисс Спеннимур была отличной швеей, но неважной закройщицей, в чем сама признавалась. Зато штопала безупречно и не только возвращала вещи их хозяйкам в обновленном виде, но и скрывала, что тратила на починку каждой

недели три. А главное – именно это ее достоинство заказчицы ценили больше всего – она брала за свои услуги совсем немного. Как объясняла сама, «обычно меня кормят обедом, а это большая экономия, как же ее не учитывать? Иногда мне не везет, у некоторых не оказывается нормальной еды, но надо стойко переносить превратности судьбы. Порой мне приходится довольствоваться чашкой чая утром, и на том спасибо, хотя ожидаешь совсем иного, вы меня понимаете...»

Со стороны жизнь мисс Спеннимур могла показаться тусклой ввиду ее одиночества, но сама она искренне удивилась бы, услышав настолько неверное суждение. Во-первых, неиссякаемым источником интереса для нее выступала жизнь клиенток, а во-вторых, собственная жизнь не была лишена романтики. В молодости она была театральной костюмершей, пусть и не поднялась в этой профессии выше примерной хористки, и оглядывалась на тот отрезок своей жизни с удовольствием и гордостью, а альбом с выцветшими фотографиями забытых красавиц служил ей неиссякаемым утешением.

Чулки у Бьюлы мисс Спеннимур приняла с привычным добродушием, так как, подобно миссис Хаддингтон, пришла бы в ужас от одной мысли о безделье.

– Это никуда не годилось бы, – сказала она. – Она платит мне по часам и справедливо ожидает, что, находясь здесь, я буду работать. Вам повезло, что вы застали меня нынче утром, мисс Бертли, я уже собиралась собрать вещи и от-

правиться к заказчице в Хемпстед. Ну и дыра на носке этого прекрасного чулка! В нее картофелина пролезет! Жаль, чулок-то совсем новый. Заштопанный чулок новым уже не назовешь. Отложу-ка я его до следующей недели, а то мисс Синтия вот-вот явится. Не хотелось бы оставить в чулке иглу, а пришлось бы, нехорошо заставляя мисс Синтию ждать. То-то она удивилась бы, если бы я предложила ей такое, хотя мне это и в голову бы не пришло. Лучше займусь вот этой дырочкой на пятке. Что за работу для мисс Синтии приготовила мне мисс Хаддингтон?

– Непохоже, что ее будет много. На спине присланного от «Андре» платья, которое она собралась надеть сегодня вечером, обнаружилась складка.

– Нехорошо! – покачала мисс Спеннимур седой головой. – Такая уважаемая фирма! Как ей теперь доверять? Не пойму, куда катится мир после войны: никто уже не дорожит репутацией, лишь бы денежки платили! А сколько дерут! Вечером будет большой прием?

– Все как обычно, – ответила Бьюла, присев на краешек стола и закурив. – Вам я не предлагаю, правильно?

– Нет, милочка, благодарю. Как-то не втянулась. Это не предрассудок, я женщина широких взглядов, но мой бедный старый папаша выгнал бы меня из дому, увидев, что я курю. Папаша был на сей счет очень строг. Попробуй только рассказать при нем то, что сейчас зовется рискованной историей! А как он отнесся к появлению коротких юбок – вы не

поверите... Да, добрый был человек, правда, выпивал. Вообще-то мамаше с ним досталось: в день получки ей приходилось искать отца по пабам, а когда она его находила, он отказывался идти домой. Я всегда повторяю: все люди разные. Отец был уважаемым человеком, потому что придерживался принципов. Что у вас сегодня, танцы?

– Нет, просто бридж.

– Честно говоря, никогда не играла в бридж, а вот вист... Будет много знаменитостей? – с надеждой осведомилась мисс Спеннимур.

– Не без них, – ответила Бьюла, зная, что маленькая портниха величает так любого носителя титула. Решив, что та ждет продолжения, она спросила: – Знаете леди Флоддан?

Мисс Спеннимур покачала головой:

– Никогда не видела этого имени в газетах, милочка.

Бьюла, огорчившись, что не смогла порадовать ее, приняла еще одну попытку:

– Как насчет сэра Родерика Уикерстоуна?

– Да! – просияла мисс Спеннимур. – Он был на скачках – сейчас не припомню, на каких именно, с маркизом Четундом и с леди Кэролайн Рамсбери. Стоял и курил сигару.

– Это на него похоже. Леди Нест Паултон?

– До чего хороша была! – Мисс Спеннимур вздохнула. – Когда-то о ней писали все газеты. Помню ее дебютанткой сезона – еще до того, как она стала лидером молодежи, конечно. Красавица, а какие наряды! Замуж она выходила в платье с

золотым шитьем, наделавшем шуму, тогда такое было в новинку. Кто еще?

– Больше никого. Разве что лорд Гизборо.

– Думаю, без него не обойдется. Слышала, он неровно дышит к мисс Синтии, хотя его знаменитостью не назовешь, вы меня понимаете... Видите ли, я знала его мать – о, как же хорошо я ее знала!

Бьюла внимала этим откровениям далеко не в первый раз, поэтому лишь сказала:

– Неужели?

– Первый класс! – Это пояснение отдавало загадочностью. – Само бесстрашие! Вы не поверите... До самой смерти не забуду тот вечер, когда она отправилась на прием почти без денег, не считая платы за такси (она и двух пенсов сберечь не могла), зато в таком платье, словно ее пригласили к самому великому герцогу! Как же называлось то представление? Потом вспомню. Мне не поздоровилось бы, если бы все выплыло наружу, хотя я ведать ни о чем не ведала, она взяла его, когда я отвернулась – ну, об этом вы и сами догадались. Другие девушки смеялись над ней за дружбу с Хилари Гизборо. Хилари! Я сама не могла удержаться от смеха: ну, что за имя! Самое забавное, в ней никак нельзя было заподозрить такую нежность. Но недаром говорят: хорошо смеется тот, кто смеется последним. Он взял и женился на ней! Никто и помыслить не мог, что этим закончится, но он заявил, что не допустит, чтобы его детей называли

незаконнорожденными. Это доказывает, что он настоящий джентльмен. Правда, ей это принесло мало пользы, ведь Хилари умудрился подхватить пневмонию и умереть, когда ее близнецам только исполнилось шесть лет. От него и при жизни было мало проку, несмотря на титулованную родню, но полбуханки все же лучше, чем полная голодуха, когда больше не на что надеяться. Так она и осталась с двумя детьми на руках и с кучей неоплаченных счетов. Но все равно не унывала и продолжала ценить хорошую шутку. Иногда я думаю: то-то она хохотала бы, узнав, что ее Ланс приобрел титул!

Она сама хихикнула, но мигом посерьезнела, поскольку в комнату вошла миссис Хаддингтон. При виде секретаря приподняла брови:

– Вот вы где!

– Я вам нужна, миссис Хаддингтон? – спросила Бьюла.

– Будьте добры, спуститесь вниз и проследите, чтобы маркеры были наготове, а карандаши заточены. А вы, мисс Спеннимур, ступайте в комнату моей дочери. Я полагала, что у вас обеих найдется занятие получше, чем сидеть и болтать здесь!

– Конечно, миссис Хаддингтон, – пискнула мисс Спеннимур. – Только виновата я сама, а не мисс Бертли: я отвлекла ее рассказом о своем знакомстве с бедной матушкой лорда Гизборо. Слово за слово, и...

– Мать лорда Гизборо? – насторожилась миссис Хаддингтон. – Вот оно что!

Ледяной тон, которым были произнесены эти слова, повергли маленькую портниху в смятение. Она спрятала наперсток и ножницы в сумочку, встала и произнесла:

– Я готова, миссис Хаддингтон.

– Тогда спускайтесь.

Глава 5

В восемь часов вечера, взбодрившись таблеткой аспирина, проглоченной после поспешного возвращения к себе в Ирлз-Корт, Бьюла, наряженная в свое единственное вечернее платье, присоединилась к маленькому обществу, собравшемуся в гостиной. Первоначально на ужин приглашен был один Дэн Сэтон-Кэрю, но Синтия, встретив за ланчем лорда Гизборо и Харта, проявила гостеприимство и упросила обоих отужинать на Чарлз-стрит до прихода остальных игроков в бридж. Поскольку Беатрис Гизборо, делившая с братом квартиру-студию, при этом не присутствовала, приглашение не обязательно должно было распространяться и на нее. Лорд Гизборо отметал все светские условности и вообще заботился только о собственном удобстве, поэтому сразу принял приглашение, предоставив Беатрис явиться на бридж без сопровождения.

Миссис Хаддингтон, узнавшая об этом изменении планов ближе к вечеру, уже была готова напустить на обожаемую дочь и дошла до того, что обвинила ее в необдуманных действиях. Тех же обвинений заслуживал и повар, чьему немедленному исчезновению с орбиты злости миссис Хаддингтон препятствовало разве что соображение, что при должном умении он сможет использовать данный инцидент как повод истребовать прибавки к своему и без того приличному жа-

лованью.

— Радость моя, Синтия, ладно еще, если бы ты пригласила кого-то одного, — сказала миссис Хаддингтон. — Но теперь мы получим множество гостей!

— О чем ты, мамочка? Когда число наших гостей было мало?

— Что ты такое говоришь? Дэна я не считаю полноценным гостем. Теперь придется позвать на ужин эту Бертли.

Затем она вспомнила, что библиотека, где Бьюла обычно ела поданную на подносе еду, выметена, украшена и уставлена карточными столами. Мысль, что слуг возмутил даже намек на то, чтобы дважды за вечер подавать ужин, улучшила ей настроение. Бьюла приняла приглашение отужинать вместе с хозяйкой без воодушевления. Поглядывая на себя в зеркало в двери своего гардероба, она помрачнела. Скромное вечернее платье было куплено в отделе недорогих вещей одного из лондонских универмагов, популярного благодаря именно сходным ценам, а не качеству товара, надевалось слишком часто. Даже чудесный старинный кулон, доставшийся от матери-итальянки, не смог облагородить его. Трещину на атласной туфельке удалось замаскировать тушью; но густые каштановые локоны, убранные с широкого невысокого лба, можно было бы уложить лучше. «Какая разница?» — успокоила Бьюла свое хмурающееся отражение и провела щеткой по волосам.

Она уже позволила себе излишество: приехала с Неверн-

плейс на Чарлз-стрит на такси да еще вышла из него в тот момент, когда Сэтон-Кэрю собирался нажать кнопку звонка. Он дождался, чтобы она подошла, и спросил наполовину ласково, наполовину шутливо – тоном, предназначавшимся у него для хорошеньких молодых женщин:

– Как поживает моя маленькая протезе?

– Благодарю, все хорошо. Вы очень меня обяжете, если перестанете так меня называть!

Сэтон-Кэрю со смехом сжал ее руку чуть повыше локтя:

– Дикое дитя! Дикое и неблагодарное. Кто добыл вам это место, хотелось бы мне знать? И что я получил в благодарность? Извольте отвечать, несносное юное создание!

– Если бы вы порекомендовали меня миссис Хаддингтон, не сообщая ей подробностей моей прежней карьеры, я была бы вам признательна и даже позволяла бы такие неприличные прикосновения! – И Бьюла сердито сбросила его руку.

Он усмехнулся и игриво взял ее за подбородок:

– Лилия вас этим укоряет? Как ей не стыдно! Но не мог же я навязать ей вас, утаив худшее?

Бьюла, искавшая в сумочке ключ, вспомнила, что забыла его в другой сумке, для покупок, и нажала кнопку звонка.

– Я сказала вам правду, и вы сделали вид, будто поверили мне.

– Именно что поверил! Это одно из правил игры, милая глупышка.

– Значит, поверили... – Бьюла густо покраснела. – Те-

перь-то я знаю, что в противном случае вы бы нашли мне иное применение. Увидели, что я совсем не та, кого вы ищите, но решили, что можете предложить вашей давней знакомой рабыню, которая не сбежит от нее при первой же грубости, для чего всего-то и нужно, что ознакомить ее с моей подноготной.

– Бедная дикарка! За это вы меня возненавидели?

– Не сильнее, чем ненавижу тараканов!

Фримби открыл дверь, и Сэтон-Кэрю с нарочитой учтивостью пропустил Бьюлу в дом первой. Провожая ее насмешливым взглядом, он промолвил, отдавая Фримби шляпу:

– Как вы поступаете с тараканами, милая? Наступаете на них?

– Если получится.

– Какая жестокая девчонка! Боюсь, у вас ничего не получится.

Подойдя к лестнице, она оглянулась.

– Напрасно вы так уверены, мистер Сэтон-Кэрю. Не только жестокая, но и решительная.

– Ваше пальто, сэр? – подал голос Фримби, исчерпывающе выразив тоном свое отношение к этой перепалке.

Бьюла не спешила входить в гостиную и сделала это в последний момент, уже после явившихся по отдельности лорда Гизборо и Харта. Ее хозяйке очень шел черный бархат, бриллианты и большой веер из черного шелка на пластинах из слоновой кости. Все это было подражанием одной вы-

сокоуважаемой герцогине и плагиатом, узанным и оцененным Хартом. Он поймал взгляд вошедшей Бьюлы и чуть заметно кивнул, указывая на веер и перчатки. Для Бьюлы, не знавшей о двух лишних гостях, появление Харта стало приятной неожиданностью. Угрюмое выражение ее лица сменилось невольной улыбкой и легким румянцем. Радость не прошла незамеченной для хозяйки, наблюдавшей за ними. Впрочем, миссис Хаддингтон не позволила бы себе такого грубого промаха, как прилюдная невежливость с секретарем. Вместо этого она произнесла с механической улыбкой:

– Вот и вы, мисс Бертли! Вы ведь знакомы с моим секретарем, Ланс?

Свежеиспеченный аристократ сидел рядом с Синтией на диване и разглагольствовал о высокой принципиальности, кипящей в любой русской душе. Услышав эти слова, он повернул голову и вялым жестом поздоровался.

– Мисс Бертли, вы уже встречали мисс Хартли, – продолжила миссис Хаддингтон.

– Как поживаете? Что вам налить? – спросил Тимоти и, пожав руку своей тайной невесте, шагнул к столику, уставленному подносами.

Бьюла ответила, что ничего не хочет, и миссис Хаддингтон, решив, что неэкономно расходовать на секретаря вдобавок к еде еще и спиртное, небрежно промолвила:

– Боюсь, вам ее не переубедить, мистер Харт. Мисс Бертли не пьет.

– Образцовая личность! – вскинулся уже начавший подремывать Сэтон-Кэрю.

– Ужин подан, мадам! – доложил из дверей Фримби.

В глубине столовой был собран буфет, а укороченный стол из красного дерева стоял теперь ближе к входу. Миссис Хаддингтон, изящно извинившись за этот «пикник», попросила лорда Гизборо занять место во главе стола, сама же села напротив него, усадив справа от себя Тимоти, а слева – Сэтона-Кэрю. Своей дочери она указала на стул между его светлостью и Хартом. Таким образом, место рядом с Сэтоном-Кэрю досталось Бьюле. Поскольку лорд Гизборо обращался к одной Синтии, а Тимоти, жертва хорошего воспитания, принялся из вежливости развлекать хозяйку дома, Бьюле пришлось вести светскую беседу с навязанным соседом.

Тот не лез за словом в карман. Это был отлично сохранившийся, даже моложавый мужчина средних лет. Он был красив, хотя немного красен лицом, и обладал магнетизмом. Своими манерами – приятной смесью высокомерной веселости и лести – он привлекал женщин определенного пошиба и молодых людей, еще не добившихся карьерными успехами внимания сверстников и старшего поколения. Обитал в квартире с гостиничным обслуживанием на Джермин-стрит. Его положение в доме миссис Хаддингтон оставалось загадкой. Предполагалось, что прежде они были близки, но это осталось в прошлом. Мисс Мапперли удачно выражалась на сей счет: «Все думают одинаково, когда женщина просит

мужчину принести что-то из ее спальни». И добавляла: «Но не стоит надеяться, что он по-прежнему к ней небезразличен: он нацелился на ее драгоценную Синтию, это любому ясно. Отвратительно».

Лорд Гизборо, уже оставивший пустыми створки от полудюжины устриц, теперь гневно клеймил капитализм, отказывающийся кормить устрицами широкие массы. Он давно решил, что Сэтон-Кэрю – паразит, который в прежние времена погиб бы от ножа гильотины, и почти игнорировал его, соизволя лишь изредка ошпаривать его взглядом и возражать ему. Это Дэна Сэтона-Кэрю ничуть не волновало, наоборот, забавляло. Обедневшие пэры были ему малоинтересны. Ни для кого не являлось тайной, что покойный лорд Гизборо распорядился после смерти последнего сына распределить все его неотчуждаемое имущество между дочерью и любимым племянником Кенелмом. Для чего было завоевывать симпатию такого наследника? Лорд Гизборо был костлявым молодым человеком с запавшими глазами и щеками, вот уже несколько лет работавшим в издательстве левого толка. Он был небесталанен, но неустойчив. Проницательный старший коллега однажды сказал о нем, что он слишком быстро вертится на вертеле. Гизборо мог поддерживать умный разговор лишь до тех пор, пока речь не заходила о Кремле. Малейший намек на Советскую Россию действовал на его мозги, как сильнейший наркотик, убивавший критические способности и оставлявший только фанатичность, с какой он клей-

мил как капиталистическую пропаганду любое упоминание о неблагоприятных действиях того или иного азиатского народа, попадавшего в луч прожектора. В войне он почти не участвовал, потому что был ее принципиальным противником. Позднее, когда из-за вынужденного вступления России в войну Гизборо пришлось поменять свою позицию, взять оружие в руки ему помешала чрезвычайно важная деятельность на ниве образования. Она сводилась к лекциям, которые он читал мастерски, будучи выпускником Лондонской школы экономики.

В целом Гизборо не мог похвастаться популярностью у слабой половины человечества, а она вопреки всем попыткам просвещения продолжала следовать инстинктам и упорно отдавала предпочтение настоящим сильным мужчинам, желающим защищать своих близких. Женщины, в военные годы работавшие спасательницами под бомбежками, при взгляде на него кривились, чуя труса. Харт, обладатель изящного кожаного футляра с маленькими медалями, проявлял больше терпимости. По его словам, от поведения лорда Гизборо в войну не следовало воротить нос, правильнее было постараться разнюхать в нем особого рода интеллектуализм и не держать на его светлость зла за неспособность встать плечом к плечу с остальными соотечественниками в час испытаний. При этом прозвучавшие замечания насчет устриц были, по мнению Харта, невежливыми по отношению к хозяйке дома и заслуживали наказания. С прононсом, который

провинившийся не мог не признать оксфордским, Харт добавил, что массы вряд ли одобрили бы включение в свой рацион двустворчатых моллюсков.

— Когда устриц было изобилие, — любезно объяснил он, — в договоры с подмастерьями включался пункт, что они станут получать строго ограниченное их количество раз в неделю. Вряд ли из этого следует, что устрицы были очень популярны.

Будучи не в силах опровергнуть эти малоизвестные сведения, его светлость промолчал. Успешно поставив его на место, Тимоти продолжил:

— Удивительно, как разная еда входит в моду. Мать рассказывает, что в ее детстве высоко ценимые нами ныне грешки считались дешевыми и вульгарными, и их не включали в приличное меню.

— Я имела удовольствие видеть вашу матушку на приеме у Мэри Питерсфилд, — сказала миссис Хаддингтон. — Хотелось познакомиться с ней получше: она очень интересная женщина. Я в восторге от ее книги с описанием приключений на границе Конго!

Тимоти, вместе со своим единоутробным братом уверенный в том, что Провидение устроило Вторую мировую войну с целью положить конец очаровательной, но мучительной родительской страсти исследовать затерянные уголки мира, отвесил поклон и пробормотал одну из тех формул благодарности, которые берут на вооружение наиболее дальновидные

писательские родичи.

– Норма Харт – ваша мать? – резко спросил Гизборо. – Каюсь, ее книг я не читал, но о ней самой слышал. Она – знаток Экваториальной Африки? Каково ее отношение к проблеме туземцев? Или она к ней равнодушна?

Тимоти, тоже не читавший материнских книг, не собирался втягиваться в долгую дискуссию.

– Отнюдь, она мыслит чрезвычайно здраво, – промолвил он. – Если вы замышляете сафари, то самое правильное – проконсультроваться с ней. Она расскажет, из каких племен вербовать лучших носильщиков, чего ждать от вождей и в чем главный подвох: в заблуждении, будто бои обращены в христианство, в попытках боев болтать с вами по-английски или все-таки в их манере сидеть в ваших креслах.

– Я говорю не об этом! – Гизборо покраснел. – Я имел в виду... Впрочем, для леди Харт это, вероятно, не представляет интереса.

– Довольно с нас Африки и туземцев! – воскликнула Синтия. – По-моему, это скучно!

Миссис Хаддингтон, хоть и испытывавшая облегчение от ее вмешательства, осуждающе уставилась на дочь. Синтия была раздражена, ничего не желала есть, теребила столовые приборы и даже не пыталась вести себя вежливо с гостями матери.

– Устали, милая? – осведомился Сэтон-Кэрю, улыбаясь ей через стол. – Наверное, как всегда, после завтрака ни разу

не присели?

— К сожалению, — ответила миссис Хаддингтон. — Придется отключить телефон. Трезвонит с утра до ночи, и каждый раз спрашивают мою легкомысленную дочь, ведь так, мисс Бертли?

— Да, — послушно поддакнула Бьюла.

— Это же ложь, мамочка! — усмехнулась Синтия, обиженно дернув плечиком.

— Между прочим, — подхватил Сэтон-Кэрю, чья прыть была одобрена даже Хартом, — я сам весь день проклиная телефон. Ждал важного звонка, а его все нет и нет. Я позвонил на станцию и попросил перенаправлять все звонки мне на ваш номер, Лилия. Знал, что вы не станете возражать.

Он ошибся. Как ни признательна была ему миссис Хаддингтон за успешное ретуширование грубости ее дочери, ее не обрадовала перспектива прерывания партии в бридж телефонным звонком. Ее ответ, безусловно учтивый, был настолько лишен сердечности, что наэлектризованность атмосферы стала заметна даже лорду Гизборо. Правда, Тимоти решил спросить Синтию, смотрела ли она последний гангстерский кинофильм, действие которого разворачивается в театре «Орфеум», и это подняло ей настроение и положило начало оживленному спору о кино. В дальнейшем ужин был уже избавлен от неприятных моментов. Наконец миссис Хаддингтон встала из-за стола, игриво извинилась перед мужчинами, что отводит им на портвейн всего десять ми-

нут, и пригласила к себе в будуар на кофе. Затем она вышла, и пока Синтия, удалившись в спальню, снова пудрила лицо и придавала дополнительный изгиб своей и без того красиво изогнутой верхней губке, напомнила Бьюле о ее многочисленных обязанностях в продолжение вечера. Послушный Сэтон-Кэрю отвел гостей в будуар, после чего Фримби, предоставив двоим своим забегавшимся подчиненным труд по выносу остатков ужина и превращения столовой в буфет с освежающими напитками, отправился наверх с кофейным подносом. Когда он уже уходил, появилась Синтия, и Сэтон-Кэрю чуть не расплескал кофе. Схватив его за руку, она затараторила:

– Дорогой Дэн, мне надо сказать вам нечто важное! Идемте в гостиную!

– Не сейчас, моя милая, – твердо заявила миссис Хаддингтон. – С Дэном сможешь поговорить и позднее.

– Мама, ты не понимаешь! Мне надо сообщить ему кое-что именно сейчас!

– Не забывайся, моя дорогая! Ты должна остаться и развлекать Ланса и мистера Харта. К тому же пообщаться с Дэном нужно мне самой.

– Потом посплетничаем, Синни, – улыбнулся Сэтон-Кэрю.

Синтия надула губки и собралась протестовать, но не успела вымолвить даже слова: ее раздраженная мамаша потащила Сэтона-Кэрю в библиотеку, чтобы, как она объяс-

нила, обсудить с ним мелкие детали предстоящего карточного состязания.

– До чего же противные люди! – поморщилась Синтия. – Где мой кофе? Благодарю, Тимоти, вы ангел! Вы налили его для меня?

Затем она, как притянутая магнитом, заскользила в угол комнаты к радиоприемнику и, включив его, занялась настройкой. Лорд Гизборо направился к ней, а Тимоти, воспользовавшись возможностью, тихонько сказал Бьюле:

– До чего весело! Выдался тяжелый день? На тебе лица нет.

– Где твоя вежливость? Я ожидала иного от обольстительного мистера Харта, обладателя образцовых манер!

– То ли еще будет!

Благоговейный голос диктора предупредил, что сейчас по третьей программе прозвучит произведение Моцарта. «Это малоизвестное произведение, – продолжил он, растягивая слова, словно обращаясь к умственно отсталым, – Моцарт сочинил в восемнадцать лет. Первоначально оно...»

– Господи! – И Синтия стала искать в эфире что-нибудь другое.

Ее действия не вызвали возражений.

– Все верно, – заметил Тимоти. – Часто удовольствие от концерта идет насмарку из-за покровительственного голоса, сообщающего кучу фактов, которые я сам раскопал бы, возникни у меня желание.

– Радиопрограммы предназначены не для горстки привилегированных слушателей, имеющих возможности и досуг, чтобы достигнуть вашего уровня культуры, – воинственно заявил Гизборо.

– Радиопрограммы вообще не предназначены для культурных людей, – возразил Тимоти. – Часто они бывают нацелены либо на совсем безмозглых, либо на тех, кто намерен без малейших усилий приобрести кое-какие знания. Помню пятнадцатиминутный рассказ про битву при Ватерлоо. Весьма нравоучительно!

– Все лучше, чем беспрерывное унылое прославление Маленького Человека, – сказала Бьюла.

– Полагаю, – презрительно промолвил Гизборо, – вы из тех, кто воображает, будто историю творит так называемый Великий Человек?

– Да, я из них, – кивнула она.

– О, небо! Женщине не пристало так говорить! – поразился Тимоти. – В следующий раз вы объявите, что соревноваться в беге могут лишь быстროногие!

Гизборо покраснел от раздражения, но его ответ утонул в какофонии звуков, извлеченных из приемника Синтией, не оставлявшей попыток настроиться на приемлемую программу. Пока она это делала, разговор был невозможен, а когда, отчаявшись, выключила приемник, в комнату уже вернулась миссис Хаддингтон с сообщением о приходе первого гостя. Она тоже раскраснелась, что наводило на мысль: ее беседа с

Дэном Сэтоном-Кэрю получилась не вполне удачной. Губы были сжаты, ноздри, наоборот, раздувались. Прошло время, прежде чем хозяйка сумела снова натянуть на лицо светскую улыбку. Она повела гостей наверх, в гостиную, не слишком вежливо приказав Бьюле проследить, чтобы из будуара убрали чашки из-под кофе, и ушла встречать Сидни Баттеруика.

Глава 6

Пока у Баттеруика забирали шляпу и пальто, вели его вверх по лестнице, где появление гостя караулил Фримби, чтобы провозгласить его имя, пришли другие. Миссис Хаддингтон заняла позицию в двери, ведущей в переднюю половину гостиной. Ввиду L-образной формы комнаты это помещение было обращено к лестнице и располагалось под прямым углом к двери, открывавшейся в заднюю половину. В гостиной картежников ждали восемь карточных столов, еще три установили в библиотеке на первом этаже.

Сидни Баттеруик был симпатичным молодым человеком со светлыми кудрями, чувственным ртом и астматическим телосложением, рано перечеркнувшим намерение достичь высот в спорте, а позже сделавшим его непригодным для военной службы. Мало кто знал, как глубоко в нем засела червоточина разочарования. Большинство знакомых считали Сидни счастливым сыном богача, которого ждет процветающий бизнес. Но он, понявший, что чемпионом ему не стать и кубков не завоевывать, не смог смириться с игрой в регби и в сквош ради простого удовольствия и покинул спорт. Еще в школе прибил к сомнительной компании, затем связался с еще более опасными, при его неуравновешенности, юнцами. К совершеннолетию Сидни забыл о прежних здоровых устремлениях и вдохновился сюрреализмом, бале-

том, автогонками и прочими экзотическим увеселениями, не доступными для его сверстников с ограниченными средствами. Он был нервным, вспыльчивым, легко поддавался влияниям, был избалован родителями и обстоятельствами, а главное, болезненно стеснялся. На лесть реагировал, как робкая девушка, зато без труда придумывал пренебрежение к себе и мгновенно переходил от крайней приязни к оскорбленной ненависти. В детстве Баттеруик наслаждался тем, что являлся для своей матери пупом земли, и так и не перерос желание быть всегда обласканным, вызывать лишь восхищение. Поэтому он сторонился девушек, с которыми ему пришлось бы заводить отношения, противные его характеру, и лучше всего чувствовал себя в обществе пожилых женщин, относившихся к нему по-матерински, или таких мужчин, как Дэн Сэтон-Кэрю.

В том, как с ним обращалась миссис Хаддингтон, не было ни капли материнского чувства. У нее для него нашлись разве что холодная улыбка и рукопожатие, ее взгляд, не удостоив его вниманием, сразу переместился на дородную фигуру отъявленного спортсмена и известного бонвивана сэра Родерика Уикерстоуна, тяжело поднимавшегося по лестнице следом за ним. Сидни ошибочно принял безразличие хозяйки дома за неприязнь, обиделся и почувствовал себя неудобно. Сам он ни в грош не ставил миссис Хаддингтон и не стремился быть приглашенным в ее дом, но это ничего не значило: если его не одобряли, Сидни не мог испытывать удо-

влетворения. Он немного помялся рядом с ней, теребя свой галстук и воображая, будто быстрые голубые глаза сэра Родерика смотрят на него враждебно, а потом удалился и припнулся к Тимоти и Гизборо, стоявшим у камина.

Гизборо, никогда не скрывавший своих чувств,отреагировал на его приветствие неохотным кивком; зато более вежливый и уравновешенный Тимоти, сообразив, что Сидни хочет закурить, протянул ему свой портсигар. Сидни моментально успокоился. Правда, протягивая руку за сигаретой, увидел, как в дальнем углу комнаты беседуют Дэн Сэтон-Кэрю и Синтия.

Последняя, не отказавшаяся от намерения пошептаться с Сэтоном-Кэрю, чем-то делилась с ним, припав губами к самому его уху. От избытка чувств она даже взяла его за лацкан пиджака. Настроение Дэна можно было описать как отеческое и сочувственное. Он успокоительно гладил Синтию по золотистой головке и произносил слова, призванные урезонить не в меру разволновавшееся дитя. Сидни издал недовольное восклицание и заторопился к ним.

– Дэн! – громко позвал он.

– Точь-в-точь педик! – высказался лорд Гизборо, оставшись вдвоем с Хартом.

– Дэн! – повторил Сидни. – Не знал, что вы окажетесь здесь. Я весь день пытался дозвониться до вас. – Ревниво покосившись на Синтию, он сказал ей: «Как поживаете?» – и продолжил: – Пять раз вам звонил, но ваш слуга повторял,

что вас нет дома.

Сэтон-Кэрю давно устал от требовательности своего молодого друга, к тому же терпеть не мог, когда ему мешали беседовать.

– Это я научил его так отвечать, – отрезал он. – В чем, собственно, дело, черт возьми?

Сидни вспыхнул и пробормотал:

– Мы уже несколько дней не виделись! Я боялся, что вы заболели...

– Как видите, нет. Ради бога, перестаньте вмешиваться в разговоры, в которых вам, как вы сами видите, нет места!

Кровь отхлынула от лица Сидни, из пунцового оно сделалось белым как снег.

– Да, вижу, – ответил он дрожащим голосом. – Вот, значит, как? Когда рядом Синтия, я вам ни к чему!

– Замолчите! – не выдержал Сэтон-Кэрю. – Довольно с меня ваших сцен! Ведите себя благоразумно или проваливайте! Я сыт по горло тем, как вы себя выпячиваете!

– Хотите сказать, я вам надоел?

– Представьте, именно так!

Синтия нервно хихикнула и покосилась на переднюю гостиную.

– Я вас умоляю, – прошептала она. – У мамы будет припадок!

Казалось, будто Сидни способен, забывшись, ударить Сэтона-Кэрю. Он стоял весь белый, сверкая глазами и сжи-

мая кулаки. Грудь у него вздымалась, как от сдерживаемых рыданий. Он уже начал что-то говорить дрожащим, еле слышным голосом, но его перебили.

– Синтия, сокровище! Чудесно выглядите! О, Дэн! Очаровательно!

Леди Нест Паултон, худенькая, с изможденным лицом в форме сердечка и с огромными глазами, приблизилась к застывшей троице, как колыхающееся облачко, и Сидни, опомнившись, отвернулся, чтобы не опозориться еще и перед ней.

– Чудесное платье! Ужасный молодой человек... – пробормотала она. – Вы ведь знакомы с Годфри? Разумеется, знакомы. – Немного поколебавшись, леди Паултон добавила: – Мистер Сэтон-Кэрю, Годфри. Вы встречались раньше.

Ее муж, приземистый джентльмен с бесстрастной квадратной физиономией, чуть заметно поклонился и отвернулся, чтобы пообщаться с Синтией. На лице леди Нест осталась жалкая улыбка. Сначала она нервничала, переводя взгляд с него на Сэтона-Кэрю и обратно, потом беспричинно хохотнула и упорхнула, чтобы излишне восторженно поприветствовать рыжеволосую особу в атласном платье.

Сидни Баттеруик, шарahnувшийся в сторону, как мустанг, получивший плетью, испугал сразу нескольких человек на своем пути видом, который потом описывали как обезумевший. Он вроде метил в дверь, но, к счастью для успеха предстоящего бриджа, случайно увидел знакомого балетомана,

радостно его окликнувшего:

– Сидни! Я видел вас вчера вечером. Как ваше мнение? Станет она прямой? Вы сосчитали ее фуэте? Хотя, по мне, ей лучше всего удался падекатр.

Эти слова остановили Сидни на бегу. Он отреагировал на них автоматически, а далее последовала вдохновенная дискуссия о балеринах и балерунах, и он пришел в себя. Вытаращенные глаза и дрожащие пальцы свидетельствовали о потрясении, но, после того как пребывающий в экстазе знакомый удалился в обществе пожилого дипломата, помнившего звезд Мариинского театра, он, по крайней мере, осознал, что просто так удрать было бы неприлично, поэтому смиренно направился к сэру Родерику Уикерстоуну с намерением узнать, кто будет его партнером по игре.

Сэр Родерик и доктор Теодор Уэструтер, согласившиеся на роли счетчика очков и распорядителя игры, пребывали в состоянии нервной прострации. Им стоило огромного труда убедить толпу болтающих гостей отложить обмен мнениями и занять места за столами. Когда двенадцать человек удалось наконец вырвать из толпы и направить вниз, в библиотеку, а оставшихся в гостиную развести по столам, прошло еще некоторое время, прежде чем началась игра. Завязтые игроки, кому не терпелось проверить свои карты, тщетно напоминали остальным, что причина собрания – бридж, а не болтовня. Гул голосов делал игру невозможной, потому что препятствия не исчерпывались анекдотами. Хуже их рассказчи-

ков были те, кто, искренне желая играть, умолял напомнить им правила, а также несколько взволнованных персонажей, никогда раньше не игравших в бридж-дулет и нуждавшихся в полном объяснении. Две перепуганные дамы грозным шепотом предупреждали своих партнеров, что играть в ту-ре без козырей не смогут. Определилась и небольшая группа фанатиков, заполнявших время до начала игры воспоминаниями о проявленной ими прежде карточной сноровке и выигрышах.

Тем не менее объединенные усилия обоих терпеливых счетчиков, мисс Хаддингтон и мисс Бертли сделали свое дело, и воцарилась тишина. Тимоти, оказавшийся партнером Синтии, смирился с мыслью, что вечер не сулит ему ничего хорошего, поскольку за несколько минут убедился, что она играет, не думая о его картах. Играла она не сказать чтобы плохо, к тому же светское образование включало целый курс салонных карточных игр и знакомство с большинством правил. Но ей мешал сильный азарт в паре с неспособностью надолго сосредоточиться. В результате Синтия не обращала внимания на сносы партнера и часто забывала, что на руках у противников осталась та или иная важная карта.

Тимоти, сначала сидевший «болваном», пока она сражалась за контракты, имел время осмотреть помещение и изучить собравшихся. Приглашенные в большинстве выглядели безвредными представителями полусвета. Впрочем, леди Нест Паултон, сэр Родерик Уикерстоун, Кенелм Гизборо

с супругой с рождения принадлежали к завидному и недоступному для остальных миру. Находились здесь и такие – их олицетворял Сэтон-Кэрю, – кого было трудно отнести к какой-либо определенной категории.

Кенелм Гизборо с супругой сидели за столом, соседним с Тимоти, и в первой партии играли против лорда Гизборо и миссис Криддон, обвешанной бриллиантами матроны, сосредоточенно морщившей лицо. Вероятно, миссис Хаддингтон решила, что чем скорее кузены встретятся и разойдутся, тем лучше. Пока над их столиками веяла атмосфера опасной сдержанности. Трудно было представить двух более непохожих людей, чем двоюродные братья. Лорд Гизборо – в мятой рубашке, в съехавшем набок галстук, с упавшей на один глаз непослушной прядью – сутулился на стуле. Сказав партнерше, что она может заявить любую конвенцию, какую захочет, потому что он обладает некоей собственной таинственной системой, Гизборо играл небрежно, со скучающим видом, и почти каждый мужчина в комнате боролся с побуждением пнуть его ногой. Кенелм, отпрыск молодой семейной ветви, был старше кузена на несколько лет. Он напоминал королевского гвардейца и мог бы неплохо зарабатывать натурщиком для художников, рисующих воплощения напыщенности. Лицо было круглое и румяное, с щеточкой усов, глаза немного навывкате. Когда знатный родич его раздражал, он багровел, усы начинали топорщиться, и казалось, он вот-вот лопнет. Его жена Ирен была бескровной блон-

динкой, разговаривала обычно жалобным тоном и не жалела критики для торговли и ходов мужа. Лорда Гизборо она практически не замечала.

Во время первой партии Бьюлы в гостиной не было, но при возвращении карт в коробки и пересаживании пар она вернулась, чтобы очистить пепельницы. В столовой накрывали ужин, но миссис Хаддингтон, зная о пользе освежающих напитков, велела Бьюле не тратить время на расспросы, а просто обносить игроков ими. Ту же самую обязанность могла бы выполнять дочь хозяйки, и Тимоти было неприятно наблюдать, как его возлюбленная обслуживает гостей и все сильнее утомляется. Несколько раз он пытался встретиться с Бьюлой взглядом, но она не желала на него смотреть. Одно обращенное к ней замечание Сэтона-Кэрю заставило ее вспыхнуть и отпрянуть от его стола. Это было предпочтительнее покорного выслушивания фамильярностей дерзкого болтуна, тем не менее удовольствия от вечера это Тимоти не добавило. Он уже злился на собственную цивилизованность, не позволяющую затеять с Сэтоном-Кэрю легкомысленную ссору, а потом уведомить его, что утром к нему явятся секунданты. По тем же самым основаниям Тимоти не мог сполна насладиться обстоятельством, что Сэтону-Кэрю досталась самая недружелюбная из возможных партнерш – мисс Беатрис Гизборо, явно его презиравшая и вслух бранившая его манеру игры. То, что Сэтон-Кэрю предпочел бы играть в паре с Синтией и отчаянно скучал, было слабым утешением.

Харт радовался, когда он и мисс Гизборо удалились из комнаты, но уже через четверть часа сам с неохотой последовал за ними за один из карточных столов в библиотеке.

Бьюла видела старания Харта перехватить ее взгляд и то, что он заметил ее короткую стычку с Сэтоном-Кэрю. Она надеялась, что в перерыве на ужин Тимоти не попытается уединиться с ней для разговора, и решила не попадаться на его пути. Бьюла чувствовала, что за ней наблюдает миссис Хаддингтон, чьи реплики в начале вечера не прошли для нее незамеченными.

Она поднималась наверх с виски и содовой для полковника Картмела, когда раздался телефонный звонок, которого ждал Сэтон-Кэрю. После предупреждения о предстоящем звонке она сказала ему, что ответить лучше в гостиной миссис Хаддингтон, поэтому сейчас, поставив серебряный поднос, поспешила туда. Выйдя, Бьюла столкнулась на лестнице с хозяйкой.

– Если звонили мне, то вы, надеюсь, ответили, что сейчас я не могу подойти к телефону? – промолвила миссис Хаддингтон.

– Звонят не вам. Это междугородний звонок, просят мистера Сэтона-Кэрю, – ответила Бьюла.

Хозяйка недовольно поморщилась.

– Совсем забыла! Что ж, ничего не поделаешь. Он в библиотеке. Ступайте и позовите его. Он может поговорить у меня в будуаре.

– Я так ему и сказала. – И Бьюла заторопилась вниз.

– Приглядите там вместо меня минутку-другую! – крикнула ей вслед миссис Хаддингтон, подбирая длинный подол, прежде чем подняться к себе в спальню. – Мне надо припудрить лицо. – Заметив рядом Сидни Баттеруика, она удивленно уставилась на него: – Вот не ждала! Что-нибудь случилось, мистер Баттеруик?

– О, нет, нет! – ответил он с легким заиканием. – Просто решил выпить, за нашим столом все закончилось.

– Разумеется! – отозвалась она с готовностью, которую он нашел еще более гнетущей, чем ее резкость. – Вы же найдете дорогу в столовую?

За столом в передней гостиной, который он покинул, леди Нест проговорила со вздохом:

– Ума не приложу, что побудило его попробовать играть в бридж! Как жестоко было, милая Дженнифер, назначить его вам в пару! У меня просто сердце обливается кровью. Как вы думаете, зачем ему было портить вашу червовую заявку?

– Бог его знает! – ответила мисс Чидл, костлявая женщина, чем-то смахивавшая на лошадницу. – Мне его немного жаль: его что-то мучает.

– Не хочу вас огорчать, Дженни, – произнес Чарлз Эшберн, – но, если верить Рудди, вас надули, всучив паллиатив. Джек Доверидж в последний момент отклонил приглашение Лилии.

– Ну, что ж! – пожала плечами великодушная мисс

Чидл. — Кто-то ведь должен был с ним играть!

В этот момент привлекли к себе внимание две почтенные леди за столом посередине комнаты, скандально заспорившие из-за того, что одна из них, по утверждению другой, сделала неверный ход. Существовало незыблемое правило — разводить закадычных подруг за бриджем, поскольку голосу обеих позавидовал бы попугай ара, к тому же обе не имели никакого понятия о самообладании. Разумеется, в игре такого рода полностью развести их не получилось бы, но, поскольку одна была северянкой, а другая — с запада, почвы для столкновения вроде не предвиделось. Увы, северянка сочла уместным подвергнуть критике игру уроженки запада, что было неразумно, поскольку она и ее партнер уже набрали пятьсот очков. Возникла опасность рукопашной, и миссис Хаддингтон, вернувшись в комнату, убедилась, что игра застопорилась. Проявив недюжинный такт, она быстро утихомирила обеих разошедшихся скандалистов. Ей хватило самообладания, чтобы ни одним движением лицевых мускулов не выдать своего раздражения. Только Бьюла, вошедшая в комнату минутой позднее, заметила, что хозяйка вне себя. Улыбаясь, миссис Хаддингтон сказала ей с ядовитой интонацией:

— Я как будто просила вас проследить за порядком...

Игра возобновилась, но вскоре опять случилась заминка. Объяснение ей дал доктор Уэструтер, отлучившийся из библиотеки с целью сообщить, что игроков задерживает отсут-

ствие Сэтона-Кэрю.

– Его в разгар партии позвали к телефону. Теперь все его ждут.

– Столько времени говорить по телефону? – изумилась миссис Хаддингтон. – Нелепость! Во всяком случае, так нельзя, – уточнила она с небрежным смешком. – Нехорошо и неуважительно с его стороны! Я сделаю ему суровый выговор. Родди, ступайте к нему и напомните, что он всех задерживает. Он в моем будуаре, вы знаете, где это.

– Я мигом выгоню оттуда его, – пообещал сэр Родерик, недолголюбивавший болтуна и уже назвавший его в разговоре с Уэструтером грубияном.

Выходя, он столкнулся в дверях с Сидни Баттеруиком и обжег его гневным взглядом, в котором читалось, что слабомысленный юнец слишком много себе позволяет.

– Эй, смотрите, куда идете, молодой человек! – проворчал сэр Родерик и стал спускаться по лестнице.

Через минуту он вернулся в гостиную, тяжело дыша. У него возникли трудности с речью, руки сильно дрожали. Все уставились на него. Леди Нест, заметив его бледность, вскочила и крикнула:

– Родди, вам нехорошо?

Стараясь сдержать волнение, он жестом приказал ей не мешать.

– Уэструтер, для вас есть работа. Ступайте вниз! Этот Сэтон-Кэрю...

– В чем дело? – повысила голос миссис Хаддингтон. – Что случилось, Родди? Где Дэн?

Сэр Родерик добрался до стула и плюхнулся на него.

– Мертв! – отрезал он. – Та еще картина! Нет-нет, Лилия, оставайтесь здесь. Это занятие для Уэструтера, а не для вас. Беднягу задушили.

Глава 7

Шум, вторгавшийся в сон старшего инспектора Хемингуэя, в конце концов разбудил его. Он выругался, приподнялся на локте и потянулся к выключателю лампы рядом с кроватью. Через мгновение чей-то голос произнес ему на ухо:

– Старший инспектор Хемингуэй?

Голос был резкий, официальный. Старший инспектор сразу узнал своего начальника и давнего друга, суперинтенданта Хинкли из Управления уголовных расследований.

– Слушаю, сэр, – промолвил он корректным тоном.

– Крепко спали? Значит, совесть чиста. Вас ждет работа.

– Бросьте, Боб! – воскликнул старший инспектор, отбросив официальную манеру. – Если вы решили надо мной подшутить...

Суперинтендант Хинкли усмехнулся:

– Я-то не нежусь в постели! Я на посту. Буду вам благодарен, если вы не станете об этом забывать, друг мой.

Старший инспектор Хемингуэй, высунувший из-под одеяла голые плечи и потому ежившийся от ледяного сквозняка, ответил на эту реплику в таких выражениях, что старшему по званию пришлось призвать его к порядку.

– Вставайте! – скомандовал он. – Появилась работа!

– Глухой ночью? – возмутился Хемингуэй. – Только не рассказывайте мне об очередном поляке, приконченном соб-

ственными приятелями, потому что я уже не так молод, как раньше. Если придется встать в такой поздний час, чтобы выслушивать болтовню возбужденных иностранцев, старающихся обмануть меня, то лучше сразу уволиться!

– Ничего похожего. Дельце по вашу душу. Мужчину задушили в доме на Чарлз-стрит. Изысканное место, великолепный интерьер!

– Что вы говорите? Что там произошло? Ограбление с применением насилия?

– Нет, насколько я понял. Собственно, никто не знает, в чем причина. Все, что я могу сказать, – это произошло в разгар бриджа!

– Вот оно что! Не иначе, бедняга пошел с бубны, а партнер ждал трефы. Ничуть ему не сочувствую!

– Довольно! – прервал его суперинтендант, которого ответ друга навел на неприятные воспоминания. – Будете продолжать, Стэнли, – пеняйте на себя. Вставайте и одевайтесь! Я поручаю это расследование вам.

– А как же отдел «С»? – спросил Хемингуэй, свешивая ноги с кровати и нашаривая под кроватью тапки. – Разве они прекратили ночное дежурство?

– В доме вас ждет инспектор Першор, – предупредил суперинтендант.

– Повезло так повезло! Першор, кто же еще? Полагаю, он мне обо всем сообщит и даже подскажет, если проявлю вежливость. Подождите, Боб, я только закрою чертово окно! –

Хемингуэй отложил трубку, поднял раму, закутался в халат и опять присел на край кровати. – Все, теперь выкладывайте! Кто убитый?

– Некто Сэтон-Кэрю.

– О нем что-нибудь известно?

– Ровным счетом ничего, как и обо всех остальных.

Старший инспектор застонал:

– Есть первоначальная версия?

– Дельце как будто нелегкое, хотя... В доме находилось сорок девять человек.

– Что?!

– Считая слуг, пятьдесят пять, – уточнил суперинтендант.

– Полагаю, разделаться с ним мог любой из них. Сдается мне, Боб, у меня начинается грипп, а может, даже скарлатина.

Суперинтендант усмехнулся:

– Не волнуйтесь, не все так плохо. Першор установил, что большинство из них не имеют отношения к преступлению. Не считая слуг, возможность была, похоже, только у семейных.

– Ну, это запросто, Боб!

– Першор докладывает, что дело дополнительно упрощается. Мол, выделяется один подозреваемый – молодой человек по фамилии Баттеруик.

– Раз он так говорит, значит, мне предстоит допросить всего шестерых, не считая слуг, – мрачно отозвался старший

инспектор. – А молодого Баттеруика он мог бы уже сейчас отправить домой, на боковую. Похоже, мне следует поторопиться, иначе он навлечет на нас неприятности, цепляясь к невинным. Приставьте ко мне Сэнди Гранта, хорошо, Боб? Мы с ним недурно сработались, надо только привыкнуть к его дурацкой привычке никогда прямо не отвечать «да» или «нет». По мне, лучше такой помощник – или вообще никакого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.